
Voprosy

filosofii i psikhologii

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2020. 7(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Lebedev Sergey – Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation (Editor in Chief)

Lazarev Feliks – Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Granin Yurii – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Gubin Valerij – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ilin Viktor – Russian State Agrarian University, Moscow, Russian Federation

Fedorov Aleksandr – Rostov State University of Economics, Taganrog, Russian Federation

Knyazeva Helena – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Mainzer Klaus – Technical University of Munich, Munich, Germany

Mamedov Nizami – Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, Moscow, Russian Federation

Maslin Mikhail – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Miloshevich Zoran – Institute for Policy Studies, Belgrade, Serbia

Muskhelishvili Nikolai – Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Ostrenkova Margarita – Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A.I. Evdokimov, Moscow, Russian Federation

Saulius Tomas – Lietuvos sporto universitetas, Lithuania

Shapovalov Viktor – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Shioshvili Irma – Iakob Gogebashvili Telavi State University, Telavi, Georgia

Volodarskaya Elena – S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef, OAJI, MIAR**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak Republic, 831 04

Release date 20.03.2020
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal20.com/>
E-mail: saleb@rambler.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Order № VFIP-14.

© Voprosy filosofii i psikhologii, 2020

Voprosy filosofii i psikhologii

2020

Is.

1

C O N T E N T S

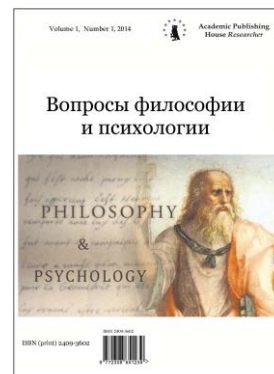
Articles

On the Identity and Difference between Dream and Reality in Oneiric Philosophy F.I. Girenok	3
Four-Level Model of the Scientific Knowledge Structure S.A. Lebedev, O.A. Chistyakov	9
Philosophical Foundations of Science and Their Types S.A. Lebedev, D.K. Alekseev	18
The Question of Human in Modern Philosophy N.N. Rostova	26
Directions for the Study of Responsiveness as a Personal Determinant of Effective Group Management E.A. Volodarskaya, A.F. Gasimov	34
«Open» Science as a New Form of Interaction with Society E.A. Volodarskaya	42

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2020, 7(1): 3-8

DOI: 10.13187/vfp.2020.1.3
www.ejournal20.com

Articles

On the Identity and Difference between Dream and Reality in Oneiric Philosophy

Fedor I. Girenok^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article shows how oneiric philosophy understands the identity and difference between dream and reality. The research material is the works of Nietzsche, Calderon, Schopenhauer and Pascal. The author uses the method of correlation of logical and historical in the study of the problem of reality. In oneiric philosophy the identity of dream and reality is the basis of the idea of human insanity. The difference between dream and reality is for it the basis of the idea of rationality. The article notes that Nietzsche saw in human the sleepwalker of the day. The author explains the connection between this statement of Nietzsche and his theory of values. What is value, according to Nietzsche? These are primarily collective hallucinations. They are based on the identification of dream and reality. In turn, Calderon shows that sleep is not a physiological process, but what people used to call morality. That is, morality, according to Calderon, is a kind of dream in which a person resides. Whereas in Schopenhauer's philosophy the world appears as a world of ghosts. Ghosts expand the world of the real. The article analyzes Pascal's concept of the identity of dream and reality and concludes that in this world of identity there is no difference between the highest and the lowest, between the king and the artisan. The author concludes that in oneiric philosophy society is understood as a way of dreaming that has become a reality for a person.

Keywords: oneiric philosophy, dream, reality, Pascal, Calderon, Schopenhauer, Nietzsche, mind, madness, rationality.

К онейрическим философам относятся Кальдерон, Ницше, Шопенгауэр, Паскаль. Всех их объединяет мысль о том, что любая реальность отсылает к сновидению, что в сновидениях устанавливается истина реальности, а, следовательно, и различие между сном и реальностью.

Декарт в «Размышлениях о первой философии» пришел к выводу о том, что невозможно отличить сон от яви. Но если это так, то тогда возникает вопрос о критериях границы между умом и безумием, о соотношении вещи и действия. Почему если реальное не действительно, то действительно – не реально? Почему вещи всегда противостоят действию? Онейрическая философия полагает, что действие для того, чтобы быть, не нуждается в вещах. В чем оно нуждается? В мечтах, в грезах. Жизнь человека для нее – не игра, а сон. Даже Аристотель, не будучи онейрическим философом, отметил в «Истории

* Corresponding author

E-mail addresses: girenok@list.ru (F.I. Girenok)

животных» то обстоятельство, что больше всех животных видит сновидения, конечно, человек. А почему? На этот вопрос Аристотель не отвечает. На этот вопрос отвечает Ницше, который определил человека как лунатика дня (Ницше, 2015).

Ницше: Человек – это лунатик дня

Всё человеческое, по замечанию Ницше, начинается в сингулярный момент странного взрыва галлюцинаций. Многие думают, что галлюцинация принадлежит индивиду. Но это не так. Скорее, индивид принадлежит своим галлюцинациям. Коллективы людей также не обходятся без галлюцинаций. Коллективные галлюцинации общество, говорит Ницше, называет ценностями. Человек принадлежит галлюцинации. Коллектив – ценностям. Изначальное различие между «мы и они» – это различие ценностное, то есть различие в коллективных галлюцинациях.

Многие думают, что люди появились сразу, бодрствуя. Но это не так. Человек спит наяву. Чем он отличается от животного? Тем, что животное бодрствует даже тогда, когда спит, а человек спит даже тогда, когда он бодрствует.

Если мы откроем книгу Канта «Антропология с прагматической точки зрения», то в ней мы можем найти рассуждение о том, является ли человек животным или нет? Если человек животное, то почему нам не передается его инстинкт? Например, умение плавать. А если человек не животное, то почему он не утонул? Как он научился отличать сон от яви? В каком состоянии он это различие установил?

У Ницше есть работа, которая называется «Об истине и лжи во вненравственном смысле» (Ницше, 2003). Начинается работа так: «В некоем отдаленном уголке вселенной, разлитой в блестящих бесчисленных солнечных системах, была когда-то звезда, на которой умные животные изобрели познание. Это было самое высокомерное и лживое мгновение “мировой истории”: но все же лишь одно мгновение. После этого природа еще немножко подышала, затем звезда застыла – и разумные животные должны были умереть. Такую притчу можно было придумать, и все-таки она еще недостаточно иллюстрировала бы нам, каким жалким, призрачным и мимолетным, каким бесцельным и произвольным исключением из всей природы является наш интеллект».

Стоит обратить внимание на заключительные слова, на словосочетание «наш интеллект». Ницше говорит о нашем интеллекте, о человеческом. Почему он не говорит привычные для нас слова, такие, как, например, наше сознание. Потому что, скажет Ницше, когда мы говорим сознание, мы имеем в виду тело. Умное тело, например, мозг. Но мозг есть у живых существ. Поэтому Ницше и ведет рассказ не о нас, а об умных животных, которые помалкивают. А человек только тем и занят, что гордится своим умом. Для природы итог нашей жизни будет равен нулю. Ничего не прибавит и ничего не убавит. То есть человек суть призрак природы, а не ось мира. Нам стоит согласиться с Ницше в том, что человек не центр мира. И даже не его отверженная и незначительная часть. А что? Он не часть мира. Если бы он был его частью, то он бы повторился, ибо повторение способ, каким существует неживое. Живое может быть иным без времени. Предел живого – взрыв галлюцинаций. То есть освободившиеся от тела галлюцинации составляют предел естественному интеллекту. Галлюцинация – это возможность такого расширения тела, в котором она не зависит от тела. Ницше не заметил этой человеческой особенности. Он заметил притворство и посчитал его производным от мозга. Но мозг после взрыва галлюцинаций столкнулся с тем, что он не умеет управлять мнимостями. Он умеет управлять телом, но не знает, что ему делать с расширениями тела. Ницше заметил, что люди «погружены в иллюзии и сновидения». «Что собственно знает человек о самом себе?» – спрашивает Ницше. И мы можем вместе с ним сказать: ничего. А почему? Потому что Ницше «убил» тему человека в европейской философии. Ошибка Ницше состояла в том, что он все свалил на природу, полагая, что это природа всю истину о человеке скрывает от человека. И человеку нужно расспрашивать природу о том, что она о нем от него скрывает. Он думает, что это природа загнала человека в комнату сознания и выронила ключи. Для Ницше сознание – это темная душная комната, за пределами которой находится подлинное. Ему не приходит в голову радикальная мысль о том, что знание скрывает человека от самого себя. И прежде всего знание природы. Оно скрывает, что причина человека в самом человеке, а не вне его. Ницше думает, мир мнимого можно исследовать так, как исследуют

«извороты кишок, быстроту кровообращения, сплетение волокон». Человек «как бы лежа на спине тигра отдается своим сновидениям». Это правда, что мы видим сны на спине тигра. Тигр – это природа, это планета, которая скоро перестанет дышать.

Кальдерон: Жизнь есть сон

В пьесе Кальдерона «Жизнь есть сон» в сцене № 19 Сигизмунд говорит:

«Да, правда! Мы должны смирить
Честолюбивые порывы
И буйный и жестокий нрав,
Когда мы в самом деле спим
И жизнью нашей только грезим» (Кальдерон, 1989).

О чем говорит Сигизмунд? О том, что мораль есть сон. Почему? Потому что если бы это было не так, то человеку не нужно было бы во сне быть моральным. А моральный человек и во сне должен быть морален. И во сне должен подчиняться своему движению по прямой линии морали.

«Так мы и будем поступать,
В чудесном мире пребывая,
Где наша жизнь есть только сон» (Кальдерон, 1989).

Кальдерон нам напоминает о том, что первично не астрономическое различие дня и ночи, а антропологическое. День – это, когда человек бодрствует, а ночь, когда он рассеян.

«Ведь опыт научил меня,
Что люди в этом мире спят
И грезят жизнью своей,
Пока от сна не пробудятся!» (Кальдерон, 1989)

Слово «опыт» представляет у Кальдерона науку. Но как мы отличаем жизнь и грезы? Не живем ли мы тогда, когда грезим?

«Царь спит и грезит, что он царь;
В обмане этом он живет,
Повелевая, управляя;
Взаимы дана ему хвала:
Она написана на ветре.
Увы! Царя в прах обратит
Царица смерть! о жалкий жребий!
И кто же царствовать захочет,
Когда он знает наперед,
Что в смертный час проснется он?» (Кальдерон, 1989)

Кальдерон, видимо, помнит о Гераклите, который говорил, что жизнь человека начнется после его смерти. Но Гераклит не сказал, какая начнется жизнь. Грезы открывают человеку жизнь во времени. Смерть открывает человеку жизнь в пространстве. Вечна материя, но не человек.

«Богач своим богатством грезит,
Богатством, что полно забот,
Но также грезит и бедняк,
Терпящий нищету и голод.
Кто начинает наживаться,
Кто утомлен и жаждет счастья,
Кто оскорбляет и вредит, –

Все эти люди спят и грезят.
 Ну, словом, грезят в мире все,
 Хотя никто не замечает.
 И сам я сплю и сам я грежу,
 Что заключен в темнице я,
 И грезил лишь, когда увидел
 Себя в блистании царя!
 Что наша жизнь? Одно безумье!
 Одна иллюзия она,
 Она лишь тень, мечты создание,
 И в ней великое ничтожно.
 Вся наша жизнь лишь сновиденье,
 И сновиденья также сон» (Кальдерон, 1989).

«И сновиденье также сон», – говорит Кальдерон. То есть это такая пещера, в которой нет выхода наружу. Царь есть царь не потому, что он по природе своей царь, а потому, что к нему относятся как к царю. Человек есть человек не потому, что он по природе человек, а потому, что он относится к себе как к человеку.

Если бы мы не были грезящими наяву, то тогда одно право было бы равно другому праву. И нам была бы не нужна идея справедливости. Тогда не нужно было бы отличать легитимное от легального. Не нужно бы было Канту говорить, что есть различие между действием по закону и действием во имя закона.

Шопенгауэр: Галлюцинации и ценности

Реален ли внешний мир? – спрашивает Шопенгауэр и отвечает: сам этот вопрос проистекает от заблудившегося разума. Почему заблудившегося? Потому что никто не знает, как выглядит внешний мир. Мы все находимся в пещере Платона. Никто не нашел меру для установления различия между сном и бодрствованием. Шопенгауэр отклоняет меру различия, предлагаемую Декартом в «Размышлениях о первой философии». Греху с реальным никто не может сопоставить. Для сопоставления нужно иметь в наличии как одно, так и другое. Но это и невозможно. Мы, говорит Шопенгауэр в пятом параграфе книги первой сочинения «Мир как воля и представление», сопоставляем обычно память о сне с реальностью (Шопенгауэр, 2011). Когда мы рассказываем сон, мы имеем дело не со сном, а с языком, то есть языковой проекцией. Согласно Шопенгауэру, память и язык подменяют наш сон.

Как Кант отличает ценности и галлюцинации? Он предлагает отличать *долгое* сновидение (жизнь), которое отличается непрерывной связностью по закону основания, от *коротких* сновидений, каждое из которых само по себе имеет ту же связность. У ценностей – долгая жизнь. У галлюцинаций – короткая. Но они не имеют связи между собой. Если причинные связи не выяснены, то, как говорит Шопенгауэр, «навсегда останется не решенным, приснилось ли известное событие или случилось наяву». Мы совершенно не в состоянии проследить звено за звеном, причинную связь между каждым пережитым событием и данной минутой, но на этом основании еще не утверждаем, что такое событие приснилось. А это значит, что мы не можем говорить ни о какой реальности. Что делать? Шопенгауэр находит выход в том, что он предлагает отнести к реальности возможное и наличное. Наличное – это реализованное возможное, а возможное – это нереализованное наличное. Что, в этом случае представляет собой наличный мир? Представление. А что представляет собой возможное? Тоже представление, только нереализованное. Чье представление? Мое, – отвечает Шопенгауэр. Мир – это представление и воля. Но если это так, то мир – это мир призраков. Кто его обнаружил? Протагор. А затем Шопенгауэр. Что делают призраки? Расширяют мир реального, не оставляя никакого выхода для человека из пещеры. Неживой мир существует в той мере, в которой в нем есть повторение. Если в нем есть законы, то в нем нет изменений. Неживой мир не эволюционирует. А вот живой мир в любой момент может быть иным. Но у этой его инаковости есть пределы.

Паскаль о границе между сном и явью

Паскаль во второй части «Мыслей» придумал один эпизод, в котором неразличима граница между сном и явью. Во фрагменте под номером 380 он говорит, что если бы мы каждую ночь видели один и тот же сон, то мы относились бы к нему точно так же, как мы относимся к вещам, которые мы видим ежедневно. Он пишет: «Если бы ремесленник был уверен, что он каждую ночь сплошь двенадцать часов будет видеть во сне, будто он царь, то, думаю я, он был бы так же счастлив, как царь, который каждую ночь подряд двенадцать часов видел бы во сне себя ремесленником» (Паскаль, 1995).

Общество – это такой способ сновидения, который стал реальностью. А реальностью оно стало потому, что связывает нас посредством значений языка. Мы относимся к обществу как к реальности, в которой директивно сон отделен от яви, ночь отделена ото дня. И никто не может перепутать одно с другим, никто не может видеть один и тот же сон каждую ночь. Потому что во сне знаки не связаны со значениями, во сне нет места социуму.

Литература

- Кальдерон, 1989 – Кальдерон П. (1989). Жизнь есть сон. М.: Наука. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/KALDERON/calderon2_5.txt
 Ницше, 2015 – Ницше Ф. (2015). Веселая наука. СПб.: Азбука. 352 с.
 Ницше, 2003 – Ницше Ф. (2003). Об истине и лжи во вненравственном смысле // О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле. Минск: Харвест. С. 355-381.
 Паскаль, 1995 – Паскаль Б. (1995). Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых. 480 с.
 Шопенгауэр, 2011 – Шопенгауэр А. (2011). Мир как воля и представление. Минск: Харвест. 848 с.

References

- Kal'deron, 1989 – Kal'deron, P. (1989). Zhizn' est' son [Life is a dream]. M.: Nauka. [Elektronnyi resurs]. URL: http://lib.ru/POEZIQ/KALDERON/calderon2_5.txt [in Russian]
 Nitsshe, 2015 – Nitsshe, F. (2015). Veselaya nauka [Fun science]. SPb.: Azbuka. 352 p. [in Russian]
 Nitsshe, 2003 – Nitsshe, F. (2003). Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle [About the truth and lies in the moral sense]. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Sumerki kumirov, ili kak filosofstvovat' molotom. O filosofakh. Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle. Minsk: Kharvest. Pp. 355-381. [in Russian]
 Paskal', 1995 – Paskal', B. (1995). Mysli [Thoughts]. M.: Izd-vo imeni Sabashnikovoykh. 480 p. [in Russian]
 Shopengauer, 2011 – Shopengauer, A. (2011). Mir kak volya i predstavlenie [The world as a will and a representation]. Minsk: Kharvest. 848 p. [in Russian]

О тождестве и различии между сном и явью в онейрической философии

Федор Иванович Гиренок^{а, *}

^аМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье показывается, как в онейрической философии понимается тождество и различие между сном и явью. В качестве материала исследования выступают сочинения Ницше, Кальдерона, Шопенгауэра и Паскаля. Автор использует метод соотношения логического и исторического в исследовании проблемы реальности. В онейрической философии тождество сна и яви кладется в основание идеи человеческого безумия. Различие же между сном и явью является для нее основанием идеи

* Корреспондирующий автор
 Адреса электронной почты: girenok@list.ru (Ф.И. Гиренок)

рациональности. В статье отмечается, что Ницше видел в человеке лунатика дня. Автор статьи разъясняет связь между этим утверждением Ницше и его теорией ценностей. Что такое ценность, согласно Ницше? Это, прежде всего, коллективные галлюцинации. В их основе лежит отождествление сна и яви. В свою очередь, Кальдерон показывает, что сон – это не некий физиологический процесс, а то, что люди привыкли называть моралью. То есть мораль, согласно Кальдерону, это некое сновидение, в котором пребывает человек. Тогда как в философии Шопенгауэра мир предстает как мир призраков. Призраки расширяют мир реального. В статье анализируется концепт тождества сна и яви Паскаля и делается вывод о том, что в этом мире тождества нет никакого различия между высшим и низшим, между царем и ремесленником. В заключении автор делает вывод о том, что в онейрической философии общество понимается как такой способ сновидения, который стал для человека реальностью.

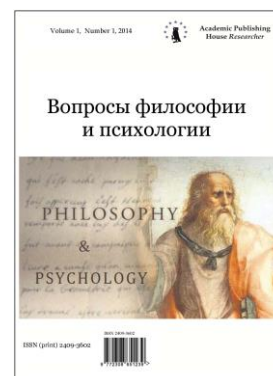
Ключевые слова: онейрическая философия, сон, реальность, Паскаль, Кальдерон, Шопенгауэр, Ницше, ум, безумие, рациональность.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2020, 7(1): 9-17

DOI: 10.13187/vfp.2020.1.9
www.ejournal20.com

Four-Level Model of the Scientific Knowledge Structure

Sergey A. Lebedev ^{a, *}, Oleg A. Chistyakov ^a

^a Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article develops the new, four-level model of the structure of scientific knowledge of particular science. Scientific knowledge is understood as knowledge that meets the following requirements: certainty, evidence, consistency, verifiability, utility, reflexivity, methodology, openness to criticism, ability to change and improve. The totality of these requirements constitutes the concept of scientific rationality and is the criterion of demarcation that distinguishes scientific knowledge from all other types of human knowledge (everyday, artistic, philosophical, religious, mythological, intuitive, etc.).

Scientific knowledge is the complex system that has a level structure of its organization in each specific science. The problem of levels of scientific knowledge is one of the main themes of the philosophy of science. Its solution involves reasonable answers to three main questions: 1) how many levels of scientific knowledge make up its complete structure, 2) what is the nature, content, functions and qualitative specificity of each of these levels, 3) what is the form of the relationship between different levels of scientific knowledge and the method of transition from one level of scientific knowledge to another.

The classical philosophy of science assumed that the structure of scientific knowledge of each particular science consists of only two levels: sensory and rational, or empirical and theoretical knowledge. We consider the two-level concept of scientific knowledge incomplete and does not correspond to the real structure of scientific knowledge of any particular science. It is a clear simplification of the real structure based on the illegal identification and "gluing" of qualitatively different types of scientific knowledge in their nature and functions: for example, sensory and empirical, or empirical and theoretical, or theoretical and metatheoretical. In each of these cases of such identification, there is a manifestation of reductionist methodology, the basis of which is an underestimation of the real qualitative specificity of the compared items. In our proposed model of the structure of scientific knowledge, it is proposed to distinguish not two, but four qualitatively different levels of knowledge: sensory, empirical, theoretical and metatheoretical. In turn, the knowledge of each of these levels is also vertically structured, but this is already structuring within the qualitative identity of the content of knowledge of each level.

The article shows that all four levels of scientific knowledge differ qualitatively in their nature, content and functions, and therefore there is no relation between them of logical deducibility of knowledge of one level from knowledge of another level. The type of relationship that exists between different levels of scientific knowledge is not formally logical, but constructively genetic. The transition from one level of scientific knowledge to another is possible only with the

* Corresponding author

E-mail addresses: saleb@rambler.ru (S.A. Lebedev), glagole@gmail.com (O.A. Chistyakov)

help of such a form of knowledge as the interpretation of knowledge of one level in terms of another level. The basis of this procedure is the subject of scientific knowledge making a cognitive decision about the possible identity of the content of different levels of knowledge. Despite the relative independence of various levels of scientific knowledge, all of them, thanks to the interpretation procedure, are interconnected within the framework of an integral system of scientific knowledge of each of the specific sciences. As a result, any particular science and scientific discipline functions, develops and interacts with other sciences, as well as with various segments of culture and practice as a whole.

Keywords: scientific knowledge, structure of scientific knowledge, four-level model of the structure of scientific knowledge, sensory knowledge, empirical knowledge, theoretical knowledge, metatheoretical knowledge.

1. Введение

Научное знание представляет собой сложную систему, имеющей сложную структуру, которая, в частности, выражается в уровневом строении научного знания любой из наук и научных дисциплин.

Проблема уровней научного знания - одна из главных проблем философии науки. В классической философии науки предполагалось, что научное знание имеет двухуровневую структуру и включает в себя только два уровня – эмпирический и теоретический. В современной философии науки выделяют уже четыре качественно различных по содержанию и функциям уровня научного знания. В дополнение к указанным уровням называют также чувственное и метатеоретическое научное знание (Lebedev, 2015).

Необходимо при этом подчеркнуть, что хотя все эти уровни научного знания относительно самостоятельны в онтологическом и гносеологическом отношении, все они взаимосвязаны в рамках целостной системы научного знания каждой из наук в процессе ее функционирования и развития. Ниже будет показана особая природа каждого из уровней научного знания и механизм их взаимосвязи.

2. Основное содержание

Чувственный уровень научного знания. В содержание данного уровня научного знания входят данные наблюдения и эксперимента, полученные с помощью чувственного восприятия ученых (как правило, их зрения и слуха и показаний измерительных приборов).

При этом нельзя не отметить, и этот факт очевиден для каждого ученого, существенную зависимость чувственных данных науки от теорий, на основе которых были построены используемые приборы и поставлен эксперимент. Дальнейшая интерпретация полученных чувственных данных также зависит от некоторой научной теории.

Хорошим примером здесь может послужить опыты, иллюстрирующие законы геометрической оптики, проводимые еще в школах с линзами. В развитие оптической темы, можно указать также и на опыты по дифракции света на решетке: прибор (решетка) изготавливается максимально идеализированным (поверхности по обработке максимально соответствуют геометрическим законам), период же дифракционной решетки однозначно определяется визуально.

Таким образом, может показаться, что знания, принадлежащие чувственному уровню, имеют критерий объективности и свою самостоятельность лишь постольку, поскольку этим же самым обладает и их направляющая теория. Однако это не совсем так. В соответствии с (Lebedev, 2016), чувственное знание имеет также собственное основание и самостоятельный критерий объективности. В качестве такого критерия выступает норма человеческого восприятия, которая одинакова для всех исследователей, а ее природа выходит за пределы науки и имеет биологически-адаптационную основу. В этом смысле она является общезначимой и требует непреложного доверия к себе как базовая структура сознания, имеющая объективный характер.

Хорошо известными видами чувственного познания человека являются следующие три способа:

1) Ощущение – элементарный чувственный образ, отображающий отдельные, единичные свойства предмета. Можно изолированно ощущать вкус, цвет, запах, звук и т.д. Например, для лимона характерны ощущения кислоты, желтизны и т.д.;

2) Восприятие – отражение предметов как целостностей; формирование целостного образа предмета. Под этим обычно понимается некая совокупность ощущений, но не просто как группа, а как нечто связанное между собой. Последнее и делает чувственное научное знание предметным.

3) Представление – образ, отпечаток в памяти некоторого предмета или действий с ним. Очевидно, что при представлении отсутствует непосредственное воздействие предмета на органы чувств субъекта. Также стоит отметить, что представление не имеет в себе цели воспроизводства всех признаков предметов или ситуации, а только их некоторых свойств.

Подчеркивая специфику природы чувственного уровня научного знания и его отличие от обыденного чувственного, еще раз отметим, мысль о том, что чувственное знание в науке получается с помощью чувственного восприятия показаний различных научных приборов, используемых в качестве средств научного наблюдения, эксперимента и измерения (Лебедев и др., 2004).

Следует также отметить, что чувственные данные, получаемые с помощью приборов, сами по себе еще не являются научным знанием в полном смысле этого слова. Они скорее является, если приводить аналогию с деятельностью столяра, лишь срубленным поленом, которого еще не коснулся его инструмент. Таким образом, продолжая аналогию, чистый продукт чувственного восприятия является для всех столяров одинаковым бруском древесины, из которого только впоследствии может получиться некоторое полезное изделие. Применительно к области научного познания, знания чувственного уровня являются для всех ученых одинаковыми, общезначимыми и в этом смысле объективными. И это лишь сырой материал для деятельности ученого по производству из него подлинного научного знания, которое обязательно должно быть не только дискурсным (языковым), но и отвечающим требованиям научной рациональности.

Именно поэтому происходит переход с чувственного уровня научного знания на следующий, более высокий уровень научного познания – уровень эмпирического познания, в котором сырые чувственные данные получают первичную мыслительную обработку и проходят языковую и понятийную фильтрацию.

Эмпирический уровень научного знания. Этот уровень научного познания является первой точкой соприкосновения чувственного научного знания с рациональным уровнем, применения к “голым фактам” (А. Пуанкаре) неких мыслительных операций. Главным результатом таких действий является производство (конструирование) эмпирических фактов и эмпирических законов.

В соответствии с работой В.С. Степина (Степин, 2011) деятельность ученого на эмпирическом уровне познания предполагает:

1) Сложный набор познавательных процедур, связанных с обработкой большого количества чувственных данных. Целью таких процедур в отношении научного факта является поиск инварианта, как условия его формирования.

2) Для установления факта необходимо истолкование выявляемого в наблюдениях инвариантного содержания. Такое толкование осуществляется в подавляющем большинстве случаев на основе научных теорий.

Здесь необходимо добавить также следующее (Лебедев, 2010а):

1) эмпирическое знание неверно понимать как логическое обобщение данных наблюдения и эксперимента,

2) данные наблюдения и эксперимента логически также не выводимы из эмпирических фактов и законов.

Между чувственным и эмпирическим уровнями научного знания отсутствует логический мост. Эмпирическое знание является лишь репрезентацией чувственного знания, а чувственное знание является только одной из форм интерпретации эмпирического знания. Чувственное знание является более полным по отношению к эмпирическому знанию, последнее является лишь одной из абстрактных схем первого.

Зафиксировав процедуры перехода от чувственного уровня знания к эмпирическому уровню, рассмотрим более подробно структуру последнего. Эмпирический уровень научного знания имеет достаточно сложную структуру. Он включает в себя следующие подуровни (Лебедев, 2014):

1) Протокольные предложения, являющиеся исходным, базовым под уровнем эмпирического знания. Это высказывания, описывающие результаты единичных наблюдений, которые называются в науке протоколами наблюдений или протокольными предложениями. Например, результатов исследования колебаний маятника. При их описании уже имеет место влияние теории математического маятника, в которой исследователя не интересует эффекты влияния электромагнитного поля на заряженные частицы тела при его колебании.

2) Факты, представляющие собой индуктивные обобщения протоколов. Единичный факт имеет своей целью описание общего содержания некоторого множества протоколов, фиксирующих наблюдаемые свойства и отношения исследуемых объектов. Например, это могут быть опыты Никурадзе по определению сопротивления шероховатых труб и обобщение данных нескольких опытов с целью определения величины сопротивления для одного числа Рейнольдса. Описание значения такой величины считается констатацией эмпирического факта.

3) Эмпирические законы. Они фиксируют отношения между событиями, состояниями или свойствами, причем в отличие от фактов для законов характерно временное или пространственное постоянство. Как правило, эмпирические законы имеют большую степень общности, чем факты. Характерным примером может служить закон кипения воды при достижении ею температуры насыщения при данном давлении. Развивая тему опытов Никурадзе, в качестве эмпирического закона можно привести обобщение фактов зависимости сопротивлений от режимных чисел Рейнольдса в один общий эмпирический закон, покрывающий все режимы течений в шероховатой трубе.

Иногда говорят, что эмпирические законы являются результатом индуктивного обобщения фактов. Но это неверно, ибо такого рода обобщений никогда нельзя получить всеобщих и необходимых высказываний, какими должны быть утверждения о научных законах. Сама по себе индукция, особенно неполная, может дать в своих выводах только вероятное знание о закономерной связи или о причине явления (Д. Юм), то есть способна сформулировать только гипотезу закона, но не сам закон. Формулировка последнего всегда является результатом конструктивной деятельности мышления по превращению индуктивного обобщения в эмпирический закон со всеми принимаемыми рисками такого рода деятельности. И это связано с тем, что любое, сколь угодно большое (но всегда конечное число) эмпирических подтверждений гипотезы любого закона не может быть доказательством его всеобщности и необходимости (Лебедев, 1980). В опыте и с помощью его средств можно познать только ограниченное число вещей: существование отдельных объектов, их различных свойств и взаимосвязей между ними («я вижу или видел их»), существование определенного рода регулярностей (повторений) и даже количественную фиксацию их абсолютной и относительной частоты («я видел это такое-то количество раз»). Но в опыте невозможно увидеть и зафиксировать всеобщность, возможность и необходимость. На такое знание решается только мышление, которое с большой долей риска дополняет опыт, привнося в него всеобщность, необходимость и вероятность (количественную меру возможности). Для чего, с какой целью? Только для того, чтобы иметь право рационально (то есть на основе законов, динамических или статистических) предсказывать новые явления, то, что еще не наблюдалось в опыте (Р. Фейнман). Таким образом, чувственная и эмпирическая реальность отнюдь не тождественны друг другу, не говоря уже о тождестве чувственной и теоретической реальностей. Объективная же реальность это то, что находится вне сознания человека и что представляет для него «тайну», которую он пытается отгадать. И, как свидетельствует многовековой опыт истории науки, иногда сознанию это сделать удается.

4) Феноменологические теории, являющие собой организованную, как правило, субординированную систему эмпирических законов. Феноменологические теории, представляют собой наиболее высокий уровень эмпирического знания о наблюдаемых свойствах объектов. Таковыми являются, например, небесная механика Кеплера, теория электричества Фарадея, классическая термодинамика, многие биологические, медицинские и метеорологические теории, общая теория тепломассобмена и др.

Структура эмпирического знания имеет некое количественное нарастание в обобщении элементов предыдущего своего подуровня при переходе к следующему. Это

позволяет заключить, что различия между подуровнями эмпирического знания являются скорее количественными, нежели качественными и отличаются лишь степенью общности репрезентации одного и того же содержания: данных наблюдения, эксперимента и измерения (Лебедев и др., 2005).

С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что в развитой науке не существует чистого эмпирического знания, которое не содержало бы в себе определенных примесей теоретического знания. И это не только не является препятствием для формирования объективного эмпирического знания, но, напротив, является необходимым его условием.

Теоретический уровень научного знания. Говоря о структуре теоретического уровня научного знания можно выделить два его подуровня:

- Первый, включающий в себя частные теоретические модели и законы. Последние характеризуются достаточно ограниченной областью применимости. Сюда можно отнести, например, теорию колебания математического маятника.

- Второй, более общий, включающих в себя частные законы первого уровня в качестве следствий, выводимых из более фундаментальных законов теории. Здесь в качестве примера такого рода теоретического знания можно привести механику Ньютона.

Теперь рассмотрим процесс и механизм перехода от эмпирического уровня научного знания к теоретическому его уровню.

Прежде всего, очевидно, что научные теории создаются именно для того, чтобы объяснять и предсказывать результаты опыта и поэтому должны сопоставляться с эмпирическим материалом. Однако само по себе такое сопоставление отнюдь не является простой процедурой (Лебедев и др., 2005). При этом происходит имманентное развертывание теорией своего собственного содержания, отнюдь не на основе контакта сознания с внешним миром. Сущность деятельности теоретического разума может быть определена как свободное мыслительное творчество, самодостаточное в себе и для себя. Основными логическими операциями теоретического мышления является идеализация, логика и интеллектуальная интуиция. Их целью и результатом является создание (конструирование) и описание теоретической реальности как множества особого рода предметов, а именно так называемых «идеальных объектов». Мир идеальных объектов и образует специфическую онтологическую базу теоретического уровня знания в его отличии от эмпирического уровня научного знания (Лебедев, 2010а).

Выделим три следующих аспекта, характерных при переходе от эмпирического уровня знания к теоретическому уровню (Лебедев, 2016):

1) исходным пунктом движения теоретической мысли в большинстве случаев является эмпирический объект, его определенные свойства и отношения;

2) само мысленное движение от эмпирии к теории заключается в количественном усилении или ослаблении степени интенсивности «наблюдаемого» свойства до максимально возможного, предельного ее значения(0 или 1);

3) самый главный момент: в результате такого, казалось бы, чисто количественного движения, мышление создает качественно новый объект, обладающий свойствами, которые уже принципиально не могут быть наблюдаемы. То -есть к эмпирическим объектам мышлением добавляются такие свойства, которые делают их уже ненаблюдаемыми. В качестве примера может выступить базовый объект теории электрического поля - электрон, как заряженная и обладающая вполне конкретным зарядом частица, однако, с другой стороны, как принципиально ненаблюдаемая, то есть являющаяся лишь идеализацией реальных частиц, полностью абстрагируясь от всех других их свойств.

Существует также принципиально иной способ, нежели с помощью идеализации способ конструирования идеальных объектов – это введение их по определению. Такой способ обычно используется для построения идеальных объектов в максимально абстрактных и общих теориях, например, в математике и логике. Стоит отметить то, что такое конструирование абстрактных объектов происходит часто внутри теории, чтобы дополнять ее целостность. Например, таковым является величина напряженности электрического поля, являющаяся фиктивной, однако упрощающая математическое описание поведения поля в определенных случаях.

Метатеоретический уровень научного знания. Метатеоретический уровень научного знания имеет место во всех науках и во всех научных дисциплинах. Он играет

важную роль в обосновании теорий как в естественных и социально-гуманитарных науках, так и в современной математике. В математике этот уровень представлен даже в виде особых математических дисциплин: метаматематики и металогики (Lebedev, 2015).

Аналогично теоретическому уровню научного знания метатеоретический его уровень также состоит из нескольких подуровней. Это – парадигмальные научные теории, общенаучное знание и философские основания науки.

В свою очередь общенаучное знание состоит из двух видов онтологического знания: картины мира (частно-научной и общенаучной) и общенаучных гносеологических, методологических, логических и аксиологических принципов (Lebedev, 2018b).

Под частно-научной картиной обычно понимается господствующая в какой-либо науке общие представления о мире, представляющие собой экстраполяцию на эту науку тех знаний о предметной области, которая является основной для данной науки (физическая, химическая, биологическая и другие картины мира). Как правило, эти знания состоят из онтологических принципов парадигмальных теорий в той или иной области науки. Например, в современной биологии такими теориями являются теория эволюции видов, генетика, молекулярная биология. Стоит при этом отметить, что частнонаучная картина мира, как правило, является конкретизацией определенной философской онтологии.

Общенаучная же картина мира, как правило, является экстраполяцией на все области науки господствующей в науке определенной эпохи частно-научной картины мира. Например, в классической науке роль общенаучной картины мира долгое время выполняла физическая, и даже механическая картина мира. В неклассической науке роль общенаучной картины мира выполняла уже биологическая картина мира с ее идеей эволюции и фундаментальной роли случайности в процессе эволюции любых объектов и систем. Например, в физике влияние биологической картины мира очевидно при создании таких физических теорий как космология («теория большого взрыва») и синергетика как теория функционирования неравновесных и открытых физических систем

Важное место в структуре метатеоретического уровня научного знания принадлежит также философским основаниям науки. Философские основания науки представляют собой конкретизацию применительно к науке, ее определенной области, или к отдельной науке тех или иных общих философских утверждений о бытии и познании. С помощью философских снований происходит не только дополнительное обоснование научных теорий с помощью более общего рационального знания, чем наука, но и обратный процесс: трансляция научного знания в мировоззрение и культуру. В итоге с помощью философских оснований науки поддерживается единство и целостность культуры и перевод как содержания научного знания на язык философского мировоззрения, так и перевод содержания философского знания на язык науки.

Однако здесь важно избегать одинаково неприемлемых концепций взаимосвязи философии и науки:

- главенства философии над наукой, приводящему к различного рода натурфилософским построениям с их неизбежным идеологическим придатком;

- главенства науки над философией, приводящему к позитивизму и сциентизму, к потере значимости всеобщих норм и стандартов в оценке содержания научного знания.

Говоря о философских основаниях науки, необходимо отметить специфическую структуру этого рода знания. А именно, это гетерогенные по структуре высказывания, включающие в свой состав как философские, так и конкретно-научные понятия и термины (Lebedev, 2018b). Для каждой науки в соответствии с основными разделами философии можно выделить различные типы ее философских оснований. Например, одним из философских оснований механики Ньютона был следующий постулат или принцип: “Пространство и время – это самостоятельные физические субстанции, свойства которых не зависят друг от друга”.

В соответствии с основными разделами философии можно выделить различные виды философских оснований науки: онтологические, гносеологические, аксиологические, праксиологические и др. Так, важнейшими гносеологическими основаниями квантовой механики являются принципы принципиальной наблюдаемости, неопределенности, дополнительности при описании объектов микромира.

Среди аксиологических оснований науки различают внешние и внутренние: 1) внешние направлены вовне науки и регулируют ее отношения с культурой и обществом. Сюда относят практическую полезность научного знания его роль в повышении интеллектуально и образовательного потенциала общества и др.; 2) внутренние направлены вовнутрь науки и выступают идеалами и нормами научного исследования, его стандартами, определяющими оценку истинность, обоснованность и универсальность конкретных эмпирических и теоретических научных знаний (Лебедев, 2010b).

В заключение сформулируем познавательные функции метатеоретического научного знания. Это:

- 1) «дедуктивное» обоснование фундаментальных научных теорий с позиций более общего научного и философского знания;
- 2) гармоничное вписывание содержания научных теорий в общую систему научного и философского знания;
- 3) мировоззренческая оценка содержания научного знания и особенно фундаментальных научных теорий;
- 4) обеспечение взаимосвязи конкретно-научного и философского знания как двух главных видов рационального знания;
- 5) трансляция содержания новых научных теорий в культуру и обратно для их усвоения обществом.

3. Заключение

Предложенная структура научного знания показывает неполноту выделения структуре научного знания только двух его уровней: эмпирического и теоретического. Реальная структура знания любой науки более сложная. Она состоит из четырех уровней знания: чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического. Каждый из этих уровней качественно отличен от других по содержанию и функциям, но в то же время является необходимым элементом системы научного знания. Все уровни научного знания находятся между собой в отношении вертикальной иерархии, но ни один из них чисто логически не выводим из других. В силу наличия этой вертикальной связи можно говорить об известной ограниченности свободы научного поиска на каждом из уровней. Однако ее несомненный плюс – согласованность элементов научного знания, полученных существенно разными методами, благодаря чему создается не только внутренняя устойчивость всей системы знания любой конкретной науки, но и ее целостность при интеграции в систему культуры, образования и практической деятельности.

Литература

- Лебедев, 2017 – Лебедев С.А. Краткий словарь по методологии научного познания. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2017.
- Лебедев, 2016 – Лебедев С.А. Курс лекций по методологии научного познания. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2016.
- Чувственное познание... – Чувственное познание, его свойства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/chuvstvennoe-poznanie.html>
- Лебедев и др., 2004 – Лебедев С.А., Асланов Л.А., Грибов Л.А., Кудрявцев И.К. и др. Философия современного естествознания. М.: ФАИР-ПРЕСС. 2004.
- Степин, 2011 – Степин В.С. История и философия науки. М.: Академический Проект, 2011.
- Лебедев, 2010 – Лебедев С.А. Уровни научного знания // *Вопросы философии*. 2010. № 6. С. 62-75.
- Лебедев, 2014 – Лебедев С.А. Курс лекций по философии науки. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014.
- Лебедев, 1980 – Лебедев С.А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // *Вопросы философии*. 1980. № 6. С. 87-95.
- Лебедев и др., 2005 – Лебедев С.А., Ильин В.В., Лазарев Ф.В., Лесков А.В. Введение в историю и философию науки. Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2005.
- Лебедев, 2018 – Лебедев С.А. Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018.

Лебедев, 2010 – Лебедев С.А. Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2010. № 2(18). С. 5-10.

Lebedev, 2015 – Lebedev S.A. Metatheoretic Knowledge in Science, its Structure and Functions // *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2015. Vol. 4, Is. 2, pp. 97-104.

References

Lebedev, 2017 – Lebedev, S.A. (2017). *Kratkii slovar' po metodologii nauchnogo poznaniya* [A short dictionary on the methodology of scientific knowledge]. M.: Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Baumana. [in Russian]

Lebedev, 2016 – Lebedev, S.A. (2016). *Kurs lektsii po metodologii nauchnogo poznaniya* [Lecture course on the methodology of scientific knowledge]. M.: Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Baumana. [in Russian]

Chuvstvennoe poznanie... – Chuvstvennoe poznanie, ego svoistva [Sensual knowledge, its properties]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/chuvstvennoe-poznanie.html> [in Russian]

Lebedev i dr., 2004 – Lebedev, S.A., Aslanov, L.A., Gribov, L.A., Kudryavtsev, I.K. i dr. (2004). *Filosofiya sovremennogo estestvoznaniya* [Philosophy of modern science]. M.: FAIR-PRESS. [in Russian]

Stepin, 2011 – Stepin, V.S. (2011). *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. M.: Akademicheskii Proekt. [in Russian]

Lebedev, 2010 – Lebedev, S.A. (2010). *Urovni nauchnogo znaniya* [The levels of scientific knowledge]. *Voprosy filosofii*. № 6. Pp. 62-75. [in Russian]

Lebedev, 2014 – Lebedev, S.A. (2014). *Kurs lektsii po filosofii nauki* [Lecture course on the philosophy of science]. M.: Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Baumana. [in Russian]

Lebedev, 1980 – Lebedev, S.A. (1980). *Rol' induktsii v protsesse funktsionirovaniya sovremennogo nauchnogo znaniya* [The role of induction in the functioning of modern scientific knowledge]. *Voprosy filosofii*. № 6. Pp. 87-95. [in Russian]

Lebedev i dr., 2005 – Lebedev, S.A., Il'in, V.V., Lazarev, F.V., Leskov, A.V. (2005). *Vvedenie v istoriyu i filosofiyu nauki* [Introduction to the history and philosophy of science]. Pod obshch. red. prof. S.A. Lebedeva. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskii Proekt. [in Russian]

Lebedev, 2018 – Lebedev, S.A. (2018). *Nauchnyi metod: istoriya i teoriya* [Scientific method: history and theory]. M.: Prospekt. [in Russian]

Lebedev, 2010 – Lebedev, S.A. (2010). *Edinstvo estestvennonauchnogo i sotsial'no-gumanitarnogo znaniya* [The unity of natural science and socio-humanitarian knowledge]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. № 2(18). Pp. 5-10. [in Russian]

Lebedev, 2015 – Lebedev, S.A. (2015). *Metatheoretic Knowledge in Science, its Structure and Functions* [The unity of natural science and socio-humanitarian knowledge]. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. Vol. 4, Is. 2, pp. 97-104.

Четырехуровневая модель структуры научного знания

Сергей Александрович Лебедев ^{a, *}, Олег Алексеевич Чистяков ^a

^a МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье развивается новая, четырехуровневая модель структуры научного знания любой конкретной науки. Под научным знанием понимается знание, удовлетворяющее следующим требованиям: определенность; доказанность; системность; проверяемость; полезность; рефлексивность; методологичность; открытость к критике;

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: saleb@rambler.ru (С.А. Лебедев), glagole@gmail.com (О.А. Чистяков)

способность к изменению и улучшению. Совокупность этих требований составляет понятие научной рациональности и является критерием демаркации, отличающей научное знание от всех других видов человеческого знания (обыденное, художественное, философское, религиозное, мифологическое, интуитивное и др.).

Научное знание представляет собой сложную систему, имеющую уровневую структуру своей организации в каждой конкретной науке. Проблема уровней научного знания – одна из главных тем философии науки. Ее решение предполагает обоснованные ответы на три главных вопроса: 1) сколько уровней научного знания составляет его полную структуру, 2) какова природа, содержание, функции и качественная специфика каждого из этих уровней, 3) какова форма взаимосвязи между различными уровнями научного знания и способ перехода с одного уровня научного знания на другой.

Классическая философия науки исходила из того, что структура научного знания каждой конкретной науки состоит только из двух уровней: чувственного и рационального или эмпирического и теоретического знания. Мы считаем двух уровневую концепцию научного знания неполной и не соответствующей реальной структуре организации знания любой конкретной науки. Она является явным упрощением реальной структуры, основанной на незаконном отождествлении и «склеивании» качественно различных по своей природе и функциям видов научного знания: например, чувственного и эмпирического, или эмпирического и теоретического, или теоретического и метатеоретического. В каждом из этих случаев такого отождествления имеет место проявление редукционистской методологии, основу которой составляет недооценка реальной качественной специфики сравниваемых предметов. В предлагаемой нами модели структуры научного знания предлагается выделять в ней не два, а четыре качественно различных уровня знания: чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический. В свою очередь знание каждого из этих уровней также вертикально структурировано, но это уже структурирование в рамках качественного тождества содержания знания каждого уровня.

В статье показывается, что все четыре уровня научного знания качественно отличается между собой по своей природе, содержанию и функциям, а потому между ними не существует отношения логической выводимости знания одного уровня из знания другого уровня. Тип отношения, существующий между различными уровнями научного знания, является не формально-логическим, а конструктивно-генетическим. Переход же от одного уровня научного знания к другому возможен только с помощью такой формы знания как интерпретация знания одного уровня в терминах другого уровня. Основу такой процедуры составляет принятие субъектом научного познания когнитивного решения о возможном тождестве содержания разных уровней знания. Несмотря на относительную самостоятельность различных уровней научного знания, все они, благодаря процедуре интерпретации, оказываются взаимосвязанными в рамках целостной системы научного знания каждой из конкретных наук. В результате любая конкретная наука и научная дисциплина функционирует, развивается и взаимодействует с другими науками, а также с различными сегментами культуры и практической деятельности как единое целое.

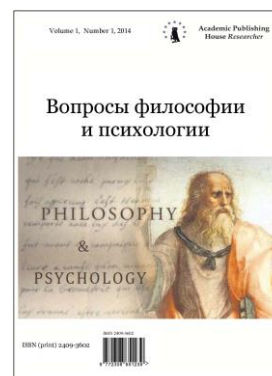
Ключевые слова: научное знание, структура научного знания, четырехуровневая модель структуры научного знания, чувственное знание, эмпирическое знание, теоретическое знание, метатеоретическое знание.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2020, 7(1): 18-25

DOI: 10.13187/vfp.2020.1.18
www.ejournal20.com

Philosophical Foundations of Science and Their Types

Sergey A. Lebedev ^{a, *}, Dmitry K. Alekseev ^a

^a Bauman Moscow State Technical University, Russian Federation

Abstract

The actual problem of the modern philosophy of science is to determine the content, structure and methodological status of the philosophical foundations of science. First of all, it is necessary to answer the question of whether the philosophical foundations of science are purely philosophical statements or heterogeneous, consisting of both philosophical and concrete scientific concepts. The second problem is: what are the functions of the philosophical foundations of science performed by them in scientific knowledge and culture. The third question is: what kinds of philosophical foundations of science exist in real science? In response to the first question, we proceed from the fact that the philosophical foundations of science are not purely philosophical statements, but a special layer of knowledge bordering between philosophy and science, which can equally be attributed to both philosophy and science. The philosophical foundations of science are the interpretation of more general categories and principles of philosophy in relation to a particular field of science.

What are the main functions of the philosophical foundations of science in scientific knowledge? In our opinion, there are four of them: 1) deductive or constructive justification from the standpoint of philosophy as the most general type of rational knowledge of all the structural elements of meta-theoretic scientific knowledge (fundamental scientific theories, general scientific and private scientific pictures of the world, methods of scientific knowledge, ideals and norms of scientific research); 2) inductive justification of philosophical concepts by scientific data; 3) ensuring the integrity of culture, in which philosophy and science are its most important subsystems; 4) reflection and critical analysis of existing and possible philosophical foundations of science.

There are the six kinds of philosophical foundations of science: ontological, epistemological, social, practice, axiological, anthropological. This article will focus on reconstructing the content of the last three stages of the science development: classical, non-classical and post-non-classical science.

Keywords: meta-theoretic knowledge, philosophical foundations of science, interpretation, types of philosophical foundations of science, philosophical foundations of classical, non-classical and post-non-classical science.

1. Введение

В фундаментальных областях исследования развитая наука, как правило, имеет дело с объектами, еще не освоенными ни в производстве, ни в повседневном опыте. Для обыденного здравого смысла эти объекты могут быть непривычными и непонятными.

* Corresponding author
E-mail addresses: saleb@rambler.ru (S.A. Lebedev)

Поэтому научные картины мира (схема объекта), а также идеалы и нормативные структуры науки (схема метода) нуждаются в своеобразной стыковке с господствующим мировоззрением той или иной исторической эпохи, с категориями ее культуры. Такую интеграцию и обеспечивают философские основания науки.

В зависимости от того, с какой наукой и какой теорией мы имеем дело, философские основания проявляют себя в большей или меньшей степени. Например, в квантовой механике они очевидны. До настоящего времени идут споры по проблемам интерпретации её математического аппарата и отсутствует позиция, которая примирила бы все спорящие стороны. Вместе с тем, как свидетельствуют факты, в науке существует немало теорий, которые не вызывают каких-либо споров по поводу их философских оснований. Это связано с тем, что они базируются на общепринятых в научном сообществе философских представлениях, а поэтому и не подвергающихся критической рефлексии (они воспринимаются как нечто само собой разумеющееся) (Лебедев и др., 2004).

По определению философские основания науки – это общие представления науки определенного периода или отдельной науки о характере изучаемой реальности (ее наиболее общих свойствах, отношениях, законах), о методах научного познания, его структуре, закономерностях развития науки и научного знания, социальных и ценностных предпосылках научной деятельности. Философские основания науки представляют собой конкретизацию фундаментальных философских положений и принципов применительно к научному знанию и научной деятельности (Лебедев и др., 2005).

В соответствии с этим выделяют следующие функции философских оснований науки:

1) они являются эвристикой научного поиска, способствуя перестройке нормативных структур науки, картин исследуемой реальности и являясь обоснованием полученных результатов – новых онтологий и новых представлений о методе;

2) они служат средством адаптации научных знаний к господствующим в культуре мировоззренческим установкам. Как правило, наука использует лишь часть идей и принципов, выработанных в философии, а это означает, что философия обладает избыточным содержанием по отношению к науке определенного этапа развития. Эта картина формируется внутри науки путем обобщения и синтеза важнейших научных достижений (Степин и др., 1999).

2. Обсуждение

Виды философских оснований науки

В процессе научного познания философские основания науки выполняют важнейшую функцию связующего звена, своеобразного моста между философским и конкретно-научным знанием, обеспечивая взаимосвязь философии и науки в рамках системы рационального знания. Обеспечивая обмен когнитивными ресурсами между наукой и философией, философские основания науки выступают важным фактором развития содержания и философии, и конкретных наук. При этом по своей логической структуре философские основания науки являются гетерогенным видом знания. Они состоят не только из понятий различных областей научного знания (естествознания, математики, логики, технических, социально-гуманитарных наук), но и обязательно включают в свой состав категории разных разделов философии.

Такая неоднородность философских оснований науки не исключает их системной организации, и именно поэтому выделяют множество видов философских оснований:

- 1) онтологические основания различных областей науки и фундаментальных теорий;
- 2) гносеологические основания различных областей науки и научных дисциплин;
- 3) социальные основания науки и разных видов научной деятельности;
- 4) цивилизационно-культурные основания науки;
- 5) ценностные (аксиологические) основания науки научной деятельности (в частности, этические, эстетические, социально-политические и идеологические);
- 6) антропологические основания деятельности и жизненного мира ученых (Лебедев, 2010).

Онтологические философские основания науки:

1. Материя, пространство и время три основных субстанции объективной (физической) реальности (классическая физика) Субстанциальный характер любой реальности означает самодостаточность и независимость внутренних свойств данной субстанции от других субстанций. В классической механике это означало, что свойства пространства никак не зависят от времени и обратно. То же самое имело место и в отношении пространства и времени с материей. У Демокрита атомы и пустота были две независимые субстанции материального мира.

2. Частная теория относительности. Пространство и время имеют атрибутивный, а не субстанциональный характер. Это не более чем определенные, но при этом всеобщие свойства материальных объектов (Аристотель). Но, утверждает частная теория относительности, пространственные и временные характеристики при этом взаимосвязаны и находятся во внутреннем единстве. Изменение пространственных свойств объекта (например, его длины) существенно влияет на его временные свойства (длительность) и обратно. Именно поэтому пространственные и временные свойства объекта коррелятивны друг другу и относительны в рамках пространственно-временного интервала, который является уже инвариантной (неизменной) величиной объекта при любой его скорости.

3. Общая теория относительности. Пространственные и временные свойства объектов зависят не только друг от друга, но также от гравитационных характеристик материи. В силу общей неоднородности распределения гравитационных масс общая структура физического пространства является не евклидовой, а римановой, то есть пространством с изменяющейся кривизной.

4. Любой материальный объект обязательно имеет массу покоя (классическая физика).

5. Существуют материальные объекты, не имеющие массы покоя (в частности, нейтрино). Квантовая механика и теория элементарных частиц.

6. Все объективно существующее принципиально наблюдаемо (классическая наука).

7. Идеальные объекты науки математики и конкретно-научных теорий также существуют для научного мышления объективно, но при этом они принципиально не наблюдаемы. Такими объектами научных теорий являются: действительные, иррациональные и комплексные числа в арифметике и алгебре; все объекты теоретической геометрии; такие идеальные объекты физических теорий как материальная точка, абсолютное пространство, абсолютное время, дальное действие, инерциальное движение в классической физике; идеальный газ в молекулярно-кинетической теории газов; абсолютно изолированная термодинамическая система, абсолютно черное и абсолютно белое тело в оптике и электродинамике; возможность и вероятность в квантовой механике.

Гносеологические основания науки это совокупность представлений ученых о процессе научного познания и его принципах. Приведем примеры таких философских принципов науки.

1. Только эмпирический опыт (наблюдение и эксперимент) являются основой, источником и критерием истинности научного знания и всех его видов.

2. Основными методами построения научных теорий являются продуктивное воображение, интуиция и дедукция (логическое доказательство).

3. Основной метод научного познания – индукция: получение научных фактов и их последующее обобщение.

4. Индукция не является и не может быть не только средством открытия научных законов и теорий, но и средством подтверждения их истинности, а тем более ее доказательства. Ее функция состоит только в опровержении ложных гипотез законов и теорий.

5. Математика полностью доказательная область научного знания. Все математические теории, начиная с самой элементарной из них – арифметики натуральных чисел, принципиально неполны в плане логической доказательности всего множества своих утверждений.

6. Всякое научное знание должно быть обязательно определенным и однозначным.

7. Только часть научного знания, в том числе и научных теорий, может быть и является определенной и однозначной. Например, одно из высказываний квантовой механики о сопряженных свойствах элементарных частиц будет обязательно неопределенным.

Перед тем как рассмотреть содержание философских оснований различных культурно-исторических типов науки, необходимо указать на основные исторические этапы развития науки, к которым применимы данные понятия. Ведь как уже было отмечено: философские основания науки – это всегда общие представления науки определенного периода ее развития. Следовательно, они могут меняться с течением времени и будут разными для различных культурно-исторических типов науки. В процессе своего длительного исторического развития наука прошла ряд качественно различных этапов и состояний: древняя восточная наука, античная наука, средневековая наука, современная наука. Современная наука возникла в эпоху Возрождения и Новое время (XVI–XVII вв.). К настоящему времени она также прошла три качественно различных этапа в своем развитии: классическая, неклассическая и постнеклассическая наука. Классическая наука охватывает период XVII–XIX вв. Ее онтологической основой была физическая (механическая) картина мира, гносеологической – позитивистская эпистемология, а методологической – индуктивистская методология (Лебедев, 2013, Лебедев, 1980). Однако в результате глобальной научной революции, произошедшей в математике и физике в конце XIX в., на смену классической науке пришла неклассическая наука (конец XIX в. – 70-80-е гг. XX в.). А в последние десятилетия XX в. появилась и развивается сегодня уже постнеклассическая наука со своей онтологией, гносеологией, методологией и социологией (Лебедев, 2013).

Онтологические основания науки

Онтологические основания науки представляют собой совокупность представлений ученых о характере познаваемых наукой объектов, их основных свойствах и отношениях, законах изменения (например, о природе и свойствах пространства и времени; о взаимосвязи материи, энергии и информации; о формах детерминации изучаемых объектов и систем; о закономерностях смены их состояний и др.). Онтологические основания науки являются различными не только для разных областей науки, но и для разных ее культурно-исторических типов. Приведем сравнительную таблицу онтологических оснований науки разных культурно-исторических типов науки (Таблица 1).

Онтологические основания науки могут быть существенно различными у разных областей науки (математика, естествознание, науки об обществе и человеке) и отдельных научных дисциплин (физика, биология, социология, история и т.д.) в рамках одного и того же культурно-исторического типа науки. Например, онтологические основания классической физики, классической биологии и классической социологии существенно отличаются друг от друга.

Таблица 1. Онтологические философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки

	Классическая наука	Неклассическая наука	Постнеклассическая наука
Детерминизм	Однозначный	Вероятностный	Индетерминизм
Пространственные и временные свойства объектов	Абсолютные	Относительные	Относительные
Характер пространства и времени	Евклидов	Неевклидов	Дискретный
Скорость распространения воздействия	Мгновенная (бесконечная) – принцип дальнего действия	Конечная (максимум 300000 км/с)	Любая (но всегда конечная!)

Взаимоотношение между частями системы и самой системой	Элементаризм и редукционизм	Частичный редукционизм	Целостность ноосферы и ее влияние на все происходящие в мире процессы
--	-----------------------------	------------------------	---

Гносеологические основания науки

Гносеологические основания науки – совокупность представлений науки о научном познании и его природе, возможностях и методах; о структуре научного знания; о субъекте научного познания; о критериях научной истины; о закономерностях изменения и развития научного знания.

Гносеологические основания науки также являются различными не только для разных культурно исторических типов науки, но и для разных ее областей, а также отдельных наук. Типы гносеологических оснований науки трех разных этапов ее развития приведены в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Гносеологические философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки

	Классическая наука	Неклассическая наука	Постнеклассическая наука
Объектность научного знания	Абсолютная	Субъект-объектность (объективность знания как его трансцендентальная общезначимость)	Интерсубъективность научного знания (объективность как консенсуальность)
Истинность научного знания	Абсолютная	Относительная	Вероятностный характер истинности научного знания
Определенность научного знания	Абсолютная	Относительная	Частичная недоопределенность
Предмет научного познания	Объект (как «вещь в себе»)	Абстрактный объект	Сконструированная мышлением сущность
Фундаментальное начало научного способа познания	Опыт (данные систематических наблюдений и эксперимента)	Мышление	Здравый смысл

Социальные и аксиологические основания науки

Социальные основания науки представляют собой совокупность представлений о взаимосвязи науки с обществом, о формах и характере этой взаимосвязи.

Аксиологические основания науки – это совокупность представлений науки о внешних и внутренних ценностях науки; о диахронном и синхронном разнообразии научных ценностей и их изменении; о значимости научных достижений; о понимании роли свободы и ответственности в деятельности ученых; это также представления ученых об идеалах и нормах научного исследования. Различия социальных и аксиологических оснований науки приведены в [Таблице 3](#).

Социальные и аксиологические основания науки отличны не только у разных культурно-исторических типов науки, но и у разных областей науки в пределах одного культурно-исторического типа. Они также могут быть различными у разных дисциплин в пределах одной и той же области научного знания. Например, теория относительности и квантовая механика как фундаментальные концепции неклассической физики исходят из разных представлений о допустимых способах описания реальности.

Таблица 3. Аксиологические основания различных культурно-исторических типов науки

	Классическая наука	Неклассическая наука	Постнеклассическая наука
Ценность науки для общества и человеческой деятельности	Абсолютная	Относительная	Амбивалентная
Основа социального прогресса	Фундаментальная наука	Технический прогресс	Плюрализм факторов
Зависимость функционирования науки от интересов экономики, политики и идеологии.	Свобода и независимость	Несущественная	Существенная

Праксиологические (практические) основания науки

Праксиологические основания науки – совокупность представлений ученых о способах взаимосвязи науки и практики, о формах практического применения результатов научных исследований, о принципах научно-технической политики, об экономическом и правовом регулировании научной деятельности, об эффективности научных исследований, о технологии научной деятельности и способах ее оптимизации, о связи науки с инновационной системой общества. Для функционирования современной науки значение ее праксиологических оснований трудно переоценить, поскольку современная наука не только является главным локомотивом общественного прогресса, но и сама зависит от отношения к ней общества, от его моральной и материальной поддержки (Лебедев, 2018).

Антропологические основания науки

Антропологические основания науки – это совокупность представлений ученых о гуманитарном смысле научной деятельности, о способах поведения ученого в ситуациях теоретического и практического выбора; о свободе и ответственности в науке; о взаимосвязи отдельного ученого с научным коллективом и обществом в целом; об экзистенциальных особенностях личности и жизни ученого (Лебедев, Твердынин, 2008).

Методологические основания науки

Методологические основания науки представляют собой совокупность представлений науки о методах открытия и получения научного знания, о способах доказательства и обоснования эмпирических фактов и законов, а также методах построения и обоснования научных теорий и их различных компонентов. Очевидно, что методологические основания науки могут не совпадать и быть различными не только в разных науках, но и в одной и той же науке на разных стадиях ее развития. Например, хорошо известно существенное различие методологических оснований у древнеегипетской геометрии и древнегреческой геометрии. Принципиальным было также различие методологических оснований физики Аристотеля и классической физики Галилея-Ньютона (Лебедев, 2018).

3. Заключение

Формирование и трансформация философских оснований науки осуществляется путем выборки и последующей адаптации идей, выработанных в философии, к потребностям определенной области научного познания, что приводит к конкретизации исходных философских идей, их уточнению, возникновению новых категориальных смыслов, которые после вторичной рефлексии эксплицируются как новое содержание философских категорий. Философское обобщение научных идей из разных областей знаний способно также наметить междисциплинарные связи наук, выявить и обосновать намечающуюся интеграцию наук, ранее далеко отстоявших друг от друга.

Литература

Лебедев и др., 2004 – Лебедев С.А. и др. *Философия современного естествознания*. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.

Лебедев и др., 2005 – Лебедев С.А., Ильин В.В., Лазарев Ф.В., Лесков Л.В. *Введение в историю и философию науки*. М.: Академический проект. 2005.

Лебедев, 1980 – Лебедев С.А. Роль индукции в процессе функционирования современного научного знания // *Вопросы философии*. 1980. № 6. С. 87-95.

Лебедев, 2010 – Лебедев С.А. Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2010. № 2(18). С. 5-10.

Лебедев, 2013 – Лебедев С.А. Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // *Философские науки*. 2013. № 4. С. 69-83.

Лебедев, 2018 – Лебедев С.А. *Научный метод: история и теория*. М.: Проспект, 2018.

Лебедев, Твердынин, 2008 – Лебедев С.А., Твердынин Н.М. Гносеологическая специфика технических и технологических наук // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2008. № 2. С. 44-70.

Степин и др., 1999 – Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. *Философия науки и техники*. М.: Гардарики, 1999.

References

Lebedev, 1980 – Lebedev, S.A. (1980). Rol' induksii v protsesse funktsionirovaniya sovremennogo nauchnogo znaniya [The role of induction in the process of modern scientific knowledge functioning]. *Voprosy filosofii*. № 6. Pp. 87-95. [in Russian]

Lebedev i dr., 2004 – Lebedev, S.A. i dr. (2004). *Filosofiya sovremennogo estestvoznaniya* [Philosophy of the modern scientific sciences]. М.: FAIR-PRESS. [in Russian]

Lebedev i dr., 2005 – Lebedev, S.A., Il'in, V.V., Lazarev, F.V., Leskov, L.V. (2005). *Vvedenie v istoriyu i filosofiyu nauki* [Introduction in history and philosophy of science]. М.: Akademicheskii proekt. [in Russian]

Lebedev, Tverdynin, 2008 – Lebedev, S.A., Tverdynin, N.M. (2008). Gnoseologicheskaya spetsifika tekhnicheskikh i tekhnologicheskikh nauk [The gnoseology specific of technical and technology sciences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. № 2. Pp. 44-70. [in Russian]

Lebedev, 2010 – Lebedev, S.A. (2010). Edinstvo estestvennonauchnogo i sotsial'no-gumanitarnogo znaniya [The unity of scientific and humanity knowledge]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. № 2(18). Pp. 5-10. [in Russian]

Lebedev, 2013 – Lebedev, S.A. (2013). Postneklassicheskaya epistemologiya: osnovnye kontseptsii [Postnonclassical epistemology: main conceptions]. *Filosofskie nauki*. № 4. Pp. 69-83. [in Russian]

Lebedev, 2018 – Lebedev, S.A. (2018). *Nauchnyi metod: istoriya i teoriya* [Scientific method: history and theory]. М.: Prospekt. [in Russian]

Stepin i dr., 1999 – Stepin, V.S., Gorokhov, V.G., Rozov, M.A. (1999). *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technics]. М.: Gardariki. [in Russian]

Философские основания науки и их виды

Сергей Александрович Лебедев ^{a, *}, Дмитрий Константинович Алексеев ^a

^aМосковский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация

Аннотация. Одной из актуальных проблем современной философии науки является определение содержания, структуры и методологического статуса философских оснований

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: saleb@rambler.ru (С.А. Лебедев)

науки. Прежде всего, необходимо ответить на вопрос о том, являются ли философские основания науки чисто философскими высказываниями или гетерогенными, состоящими как из философских, так и из конкретнонаучных понятий? Вторая проблема: каковы функции философских оснований науки, выполняемые ими в научном познании и культуре? Третий вопрос: виды философских оснований, существующие в реальной науке?

В ответе на первый вопрос мы исходим из того, что философские основания науки это не чисто философские утверждения, а особый граничный между философией и наукой слой знания, который в равной степени может быть отнесен как к философии, так и к науке. Философские основания науки это интерпретация общих категорий и принципов философии применительно к той или иной области науки.

Каковы основные функции философских оснований науки в научном познании? Их четыре: 1) дедуктивное или конструктивное обоснование с позиций философии основных структурных элементов метатеоретического научного знания: фундаментальных научных теорий, научной картины мира, методов научного познания, идеалов и норм научного исследования; 2) индуктивное обоснование данными науки философских концепций; 3) обеспечение целостности культуры, в которой философия и наука являются ее важнейшими подсистемами; 4) рефлексия и критический анализ существующих и возможных философских оснований науки.

Существуют следующие виды философских оснований науки: онтологические, гносеологические, социальные, практические, аксиологические и антропологические. В настоящей статье основное внимание уделено реконструкции содержания философских оснований трех последних стадий развития науки: классической науки, неклассической и постнеклассической.

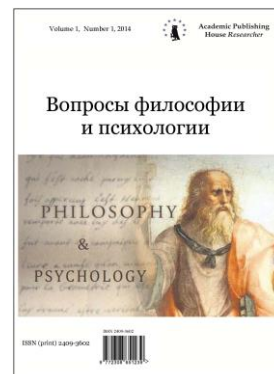
Ключевые слова: метатеоретическое знание, философские основания науки, интерпретация, виды философских оснований науки, философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2020, 7(1): 26-33

DOI: 10.13187/vfp.2020.1.26
www.ejournal20.com

The Question of Human in Modern Philosophy

Natalya N. Rostova^{a, *}

^a Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the fate of the question «What is human?» in modern philosophy. The author identifies two basic strategies: posthumanism and postcosmism. The first strategy is dominant for western european philosophy, the second – for russian philosophy. Using the method of comparative analysis, the author characterizes both approaches. Posthumanist strategy is based on the idea of the end of the exclusivity of human existence. The author considers the concept of human death to be the historical source of this idea. This idea is implemented by removing the basic oppositions, namely: «nature and culture», «human and technology», «human and animal», «human and objects». The essence of posthumanistic strategy consists in reducing a human to the world that exists, including him in the determinative whole. The posthumanist tradition is being embodied today in the projects of a new ontology, a new phenomenology, a new anthropology, and a new ecology. In modern russian philosophy, as well as in russian philosophy in general, the question of human determines the question of being. The concept of an anthropological catastrophe appears in russian philosophy and new anthropological projects are formulated that respond to its challenges. Postcosmism of modern russian philosophy consists in overcoming the logic of cosmism and establishing a connection with russian religious philosophy, discovering the essence of human not in nature and the body, but in his metaphysical expansion, transcending himself.

Keywords: human, philosophy, philosophical anthropology, animal, technology, speculative realism, new ecology, posthumanism, postcosmism, modern russian philosophy.

Философская антропология сегодня становится центральной дисциплиной. Почему? Потому что человек вступил в эпоху, которая заставляет его оправдываться в собственном существовании. На практическом уровне мы имеем дело с опережающими наше понимание техническими достижениями. Суть того, что иногда называется четвертой промышленной революцией, состоит не столько в том, что посредством технических продуктов меняется жизнь вокруг нас, сколько в том, что меняемся мы сами. Человек поставлен под вопрос. Вопрос состоит в том, есть ли в человеке нечто, не редуцируемое к алгоритму и технической воспроизводимости? Чем отличаются искусственный и естественный интеллекты? Что такое сознание и можно ли привилегию на него делегировать машине? На теоретическом уровне происходит радикальная трансформация гуманитарных наук, смысл которой состоит во включении нечеловеческого в сферу истории, субъектности и творчества. Но тогда возникает проблема: что есть человеческое в человеке? В конечном счете, вопрос сегодня сводится к тому, что есть человек. Сегодня можно обозначить, по крайней мере, два подхода

* Corresponding author
E-mail addresses: nnrostova@yandex.ru (N.N. Rostova)

к этому вопросу. К первому склоняется западноевропейская традиция, ко второму – русская философия. В данной статье мы выделим главные особенности обоих подходов, для чего прибегнем к методу сравнительного анализа.

Различие подходов современной философии к антропологической проблеме коренится в истории. Как говорит М. Хайдеггер, философию (а он имеет в виду западную философию) волновало всегда *animalitas* человека, подлинная человечность, *humanitas*, для нее была не доступна. Отсюда проистекает антигуманизм самого М. Хайдеггера как бунт против анимализации человека и одновременно как попытка найти исконно человеческое в человеке (Хайдеггер, 1993). Правда, М. Хайдеггер при этом в своем проекте фундаментальной онтологии делает человека производным от бытия. И это тоже не случайно. Вопрос о человеке вообще может служить водоразделом между западной философией и русской философией. Западноевропейская философия понимает себя, прежде всего, как метафизику. А поскольку она понимает себя как метафизику, постольку вопрос о человеке для нее является зависимым от вопроса о бытии. Революция И. Канта, который в «Логике» свел философию и ее главные вопросы «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться» к вопросу «Что есть человек?», привела к последующей мощной контрреволюции со стороны идеологов очищенной от человека онтологии. Речь идет, прежде всего, о М. Фуко и М. Хайдеггере, которые взяли на себя бремя пробудить философию от антропологического сна, который на нее наваял Кант (Фуко, 1994; Хайдеггер, 1997). В западноевропейской философии XX в. фундаментальной оказывается идея смерти человека, выкристаллизовавшаяся из идеи смерти Бога Ф. Ницше. Тезис «Бог умер» для Ницше не атеистический, но антиантропологический. Его волнует не Бог, а человек. Это хорошо понимали, как в Европе, так и в России. Например, М. Фуко, Ж. Делез, С. Булгаков. «Бог умер» - означает не смерть Бога, но исчезновение антропологического типа, конституируемого Богом. Смерть Бога расчистила дорогу сверхчеловеку и постчеловеку. Сегодня критику антропологии, попытки окончательно расстаться с кантовской традицией, которой вмещается антропологический стиль мышления в философии, мы находим в постгуманистической стратегии западноевропейской философии. Для западной философии эта стратегия оказывается доминирующей. Она базируется на идее конца исключительности человеческого существования.

«Конец человеческой исключительности» - так называется книга антрополога Ж.-М. Шеффера. Однако проблема не сводится к творчеству Шеффера, которому, несомненно, удалось найти удачную формулу, фигурирующую теперь за пределами антропологии. Идея конца человеческой исключительности состоит в том, что человек перестает мыслиться как уникальный феномен, он лишается онтологических привилегий и начинает пониматься как часть в совокупности прочих частей целого. Эта идея становится ведущей как для современных онтологических или феноменологических проектов, так и собственно для новой антропологии, в которой возникают концепты нечеловеческого другого, антропологии периферии или антропологии без человека, а также становится центральной тема животного. Как говорит Деррида, перечитывающий Лакана, загадка зеркала – это не загадка человека, который в него смотрит, а загадка животного, которое глядит на человека из зеркального отражения.

Критика современной постгуманистической философии направлена против христианства, философии И. Канта, Р. Декарта, Парменида, Протагора, Сократа, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Шелера, иными словами, против тех мыслителей и традиций, которые могут быть заподозрены в антропологическом стиле мышления. Например, концепция новой антропологии Ж.-М. Шеффера выстраивается на последовательной критике *cogito* Декарта. Одновременно сегодня становится популярной философия Аристотеля, которая позволяет избежать онтологического дуализма и мыслить человека в единой системе живого мира.

Идея конца человеческой исключительности реализуется сегодня по четырем базовым направлениям. Первая стратегия связана со стиранием границы между природой и культурой. Названия современных книг говорят сами за себя: «По ту сторону природы и культуры», «Язык как инстинкт», «Чем философия мешает науке о сознании», «Конец человеческой исключительности», «Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека», «Чужая феноменология. Каково быть вещью?» и т.п. Эта стратегия может реализовываться двумя способами. Во-первых, за счет натурализации человека, его редукции к животному, и в этом смысле можно говорить о новом натурализме в философии

(Гиренок, 2017). Второй способ упразднения границы между природой и культурой, напротив, заключается в антропоморфизации мира, наделении мира качествами человека. В данном случае речь идет о радикальном жесте отделения человечности от человека. Человечность отныне понимается не как неотъемлемая привилегия человека, но как то, что принципиально отторгнуто и свободно от него. Человечность теперь можно делегировать на сторону как право. В этом состоит смысл современной теории «ингуманизма». Если для аргументации стратегии натурализма используется весь массив знаний современной эволюционной биологии, то для аргументации концепции человечности, свободной от человека, авторы прибегают к этнографическим данным, в том числе к собственным полевым заметкам о так называемых примитивных народах. Смысл данной стратегии состоит в том, чтобы через наблюдения за подобными культурами деконструировать собственную, в данном случае западноевропейскую культуру. На поверхности лежит тезис об интеллектуальном колониализме европейской философии, с которым данные авторы призывают расстаться, однако истинная задача состоит не в том, чтобы дать слово иным культурам, найти адекватный для их типа присутствия язык, а в том, чтобы, как говорит один из авторов Э.В. де Кастру, поэкспериментировать с собственной природой, сняв привычные табу и радикально распрощавшись с категорией истины. Среди новых натуралистов стоит выделить Ж.-М. Шеффера (Шеффер, 2010) и С. Пинкера (Пинкер, 2018). Среди новых антропологов, гуманизирующих мир, стоит назвать Ф. Дескола (Дескола, 2012), Э.В. де Кастру (Кастру, 2017), Э. Кона (Кон, 2018).

Вторая стратегия реализации идеи конца человеческой исключительности связана со стиранием границы между человеком и животным. Здесь также наблюдаются два способа рассуждения. С одной стороны, происходит антропоморфизация животных, когда животным приписывается богатая эмоциональная и духовная жизнь, указывается на их ближайшее родство человеку и необходимость защищать их права (П. Сингер, П. Кавальери, Т. Риган, Р. Докинз и др.). Причем речь идет не только об обезьянах, с которыми человек попадает в общую группу «great primates», но также, например, и об осьминогах, белках или сороках (Воллебен, 2018). С другой стороны, философия идет по пути анимализации человека, редукции его к животному, что позволяет ей рассуждать о человеческих зоопарках. Но есть и третий, более радикальный вариант этой стратегии. Идея заключается в том, чтобы в самой процедуре сопоставления человека и животного распознать акт учреждения человека, вне которого его нет. Философию начинает интересовать не человек и даже не животное, а граница между ними, которая, с одной стороны, создает человека, а с другой – животное. Человек и животное оказываются бинаризмом, наподобие субъекта и объекта, убрав один член которого, мы вместе с тем обесмыслим и второй. Устранить эту границу, и человек, говорит Агамбен, исчезнет, равно, как и животное, ибо эта пара удерживается только различием, скрывая под собой пустоту. Человека нет, он эфемерен и узнает себя лишь в оппозиции к животному (Агамбен, 2012).

Третья стратегия современной западной философии заключается в стирании границ между человеком и техникой. Современным философом техники объявляет себя Ж.-Л. Нанси. Техника, говорит он, вот центральная тема для всей философии сегодня. Хайдеггеру, по мнению Нанси, не удалось во всем масштабе осмыслить эту проблему. Что значит техника и почему вопрос о ней оказывается главным? Пафос Нанси заключается в том, чтобы упразднить дихотомию мир-техника. Не существует двух противоположных начал, но есть единство. Мир – это и есть техника, техника и есть мир. Техника не инструмент. Например, автомобиль, попавший в дорожную пробку, перестает быть инструментом. Техника происходит от природы, а потому не противостоит ей и не может пониматься как то, что ее разрушает. Напротив, техника есть самораскрытие природы через человека. Для формулирования своей мысли Нанси ссылается на понятие из биологии, которое можно перевести как «разрыв», «раскрытие». Техника – это «разрыв» в природе, ее самообнаружение. Таким образом, Нанси претендует на то, чтобы снять сразу три оппозиции: природа-техника, человек-техника, природа-человек.

Одновременно сегодня популярным становится малоизвестный до последнего времени французский философ Ж. Симондон, работавший в середине XX века (1924–1989). В 1990-х гг. во Франции была организована конференция «Вокруг Жильбера Симондона»,

с начала 2000-х стали активно публиковаться его произведения, в 2016 году на русском языке вышла его книга «Два урока о животном и человеке». С чем связан интерес к Симондону? Очевидно с тем, что его философия может быть использована как дополнительный аргумент для упразднения границ между человеком и техникой, а также между человеком и животным. Технический объект, по мысли Симондона, не только служит посредником между человеком и природой, но является тем пространством, где происходит смешение человека и природы, упразднение самого различия между ними.

И, наконец, четвертая стратегия реализации идеи конца человеческой исключительности заключается в том, чтобы устранить границу между человеком и объектами. Здесь в первую очередь следует говорить о спекулятивном реализме. Как говорит Г. Харман, философия сегодня должна покинуть «гетто человеческих реальностей», распрощаться с кантовской установкой и проблематизировать не отношения человек-мир, а отношения неодушевленных объектов. «Я настаиваю, – пишет он, – на том, что один бильярдный шар скрывает от другого бильярдного шара не меньше, чем шар-в-себе скрывает от людей» (Харман, 2012). В рамках объектно ориентированной онтологии «отвергается любая привилегия человеческого подхода к миру, а события сознания помещаются ровно на ту же плоскость, что и битва канареек, микробы, землетрясения, атомы и смола» (Харман, 2012). К. Мейясу предлагает проснуться от корреляционистского сна, то есть избавить мир от необходимости в человеке, его восприятии и осмыслении, и мыслить его сам по себе, высвобождая, по завету Фуко, мысль от мыслящего. Основным предметом философии он объявляет доисторическое и архиископаемое, то есть мир вне корреляции с человеком. Свою концепцию он начинает выстраивать с критики антропологизма И. Канта (Мейясу, 2015). Спекулятивный реализм имеет своих последователей в новой хоррор-философии и новой экологии, смысл которых состоит в антиантропоцентризме. Новая экология – это экология, не имеющая ничего общего со старой экологией. Старая экология связана с борьбой за здоровье планеты, ее героем является человек, ее изнанкой являются финансовые войны. Новая экология в лице Т. Мортон призывает признать двусмысленность, таинственность внечеловеческого мира. Признав это, говорит Мортон, считайте, что вы уже экологичны (Мортон, 2019). В мире новой экологии вместе с человеком исчезает центр, это мир тотальной периферии, в рамках которого человек и нечеловеческое онтологически равны. Хоррор-философию объединяют претензии на новую онтологию и новую феноменологию, которые эксплуатируют идею о некоем апофатическом нечто, которое детерминирует мир видимый, в том числе и человека (Ростова, 2020).

В современной западной философии антропологическая проблематика не популярна. Среди тех немногих авторов, кто мыслит вопрос «Что есть человек?» базовым для философии, стоит отметить Ф. Фукуяму, Ю. Хабермаса и Ж. Бодрийяра. Однако Фукуяма в конечном итоге вопрос о человеке редуцирует к биологическому (Фукуяма, 2004), Хабермас – к социальному (Хабермас, 2002), и только Бодрийяр пытается найти адекватный язык для разговора о человеке, вводя антропологическую категорию «двойственности» (Бодрийяр, 2015).

Если идея конца человеческой исключительности западноевропейской философии имеет источник в концепции смерти человека и является ее современной вариацией, то аналогичным образом современная русская философия сохраняет антропологизм, искони присущий русской философии вообще. Человек в современной русской философии понимается как онтологически иное в отношении мира. Он не часть мира, но, напротив, как научил Н. Бердяев, мир является частью человека. В современной русской философии мы не найдем редукционистских концепций, в рамках которых стираются различия между, с одной стороны, человеком, а с другой – животными, растениями, искусственным интеллектом или «объектами». Расчеловечивание в русской философии понимается как антропологическая катастрофа, а не как апофеоз свободы мира и мысли от субъекта. Если для западноевропейской философии «смерть человека» воспринимается с энтузиазмом, то русская философия формулирует антропологические проекты, отвечающие на вызовы антропологической катастрофы и фактически являющиеся современными проектами антроподицеи. Среди данных проектов стоит выделить концепции человека воображающего Ф. Гиренка (Гиренок, 2017), человека молчащего В. Мартынова (Мартынов, 2013), человека перехода С. Смирнова (Смирнов, 2005), человека-философа В. Варавы (Варава, 2013),

человека софийного Ю. Осипова (Осипов, 2016), синергичную антропологию С. Хоружего (Хоружий, 2002). С нашей стороны мы предлагаем проект человека литургического (Ростова, 2017). Что объединяет данные проекты? То, что между человеком и миром в этих проектах постулируется онтологическая пропасть. Именно поэтому для современной русской философии становится фундаментальной категория молчания. Человек оказывается единственным существом, способным молчать. Он может молчать, потому что удерживает дистанцию от мира. Как существо молчащее, дистанцированное от мира, человек вечно запаздывает в своих реакциях, он поистине неудачное животное. Но это животное, обремененное сознанием.

Свобода в данном случае категория не этическая, а онтологическая. Почему свобода – это бремя? Потому что свобода – это хаос. Человек не-природен. Он не от мира, а потому не имеет заданного порядка. Свой порядок он принужден учреждать сам из хаоса собственных состояний. Почему мы говорим о человеке литургическом? Потому что хаос – это то, что нуждается в форме. Литургия – это форма, позволяющая из хаоса субъективности извлечь порядок сознания.

Идея смерти человека в современной русской философии прочитывается не как ассимиляция человека с миром, но как утрата формы. В идее смерти человека европейской философии изначально содержится подлог – человек понимается как эффект мира, и как эффект мира он легко растворяется в нем. Иными словами, нетрудно объявить о смерти человека, первично понимая его как не-человека. Для русской философии человек метафизически чужд миру, а потому он не может раствориться в нем. Он может утратить символический порядок, свои базовые табу, но не субъективность, которая составляет его суть.

Таким образом, сегодня в философии в отношении вопроса «Что есть человек?» мы наблюдаем две основные стратегии. Первую мы называем постгуманистической, понимая постгуманизм в широком смысле. Вторую мы называем посткосмизмом. Постгуманизм современной западноевропейской философии состоит в редукции человека к миру наличному. При этом важной деталью данной логики оказывается именно редукционизм, а не активное отрицание человека, ибо в таком отрицании можно будет зафиксировать, пусть и с обратным знаком, но исключительность человека. Задача же состоит в том, чтобы именно включить человека в мир, как часть в целое. Посткосмизм современной русской философии состоит в том, чтобы преодолеть логику космизма и установить связь с русской религиозной философией. Если космизм исходит из имманентистского представления о человеке, выводя ноосферу из биосферы, то русская религиозная философия понимает человека в горизонте богочеловечности. Посткосмизм следует логике, согласно которой человек живет в мире, но он не от мира. Загадка человека кроется не в его теле, а в его метафизическом расширении, трансцендировании себя.

Литература

- Агамбен, 2012 – Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное. М.: РГГУ. 2012. 112 с.
 Бодрийяр, 2015 – Бодрийяр Ж. Почему все еще не исчезло? 2015. [Электронный ресурс].
 URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo>
 Варава, 2013 – Варава В. Неведомый Бог философии. М.: Летний сад. 2013. 256 с.
 Воллебен, 2018 – Воллебен П. (2018). Духовный мир животных. Минск: Попурри. 2018. 240 с.
 Гиренок, 2017 – Гиренок Ф.И. (2017). Аутография языка и сознания. М.: Проспект. 2017. 256 с.
 Дескола, 2012 – Дескола Ф. (2012). По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение. 584 с.
 Кастру, 2017 – Кастру Э.В. де (2017). Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс. 2017. 200 с.
 Кон, 2018 – Кон Э. (2018). Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс. 2018. 344 с.
 Мартынов, 2013 – Мартынов В. Наше все: Малевич, Дюшан, Кейдж// Сто лет русского авангарда: сборник статей. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория». 2013. С. 30-35.

Мейясу, 2015 – Мейясу К. (2015). После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый. 2015. 196 с.

Мортон, 2019 – Мортон Т. Статья экологичным. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж». 2019. 240 с.

Осипов, 2016 – Осипов Ю.М. Белые скрижали. Сумма иного знания. М.: ТЕИС. 2016. 464 с.

Пинкер, 2018 – Пинкер С. (2018). Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн. 2018. 608 с.

Ростова, 2020 – Ростова Н.Н. «Хоррор» в современной философии: между антропологизацией и деантропологизацией дискурса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2020. № 1. С. 44-60.

Ростова, 2017 – Ростова Н.Н. (2017). Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М.: Проспект. 2017. 432 с.

Смирнов, 2005 – Смирнов С. Человек перехода. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т экономики и упр. 2005. 535 с.

Фуко, 1994 – Фуко М. (1994). Слова и вещи. Спб.: А-сад. 408 с.

Фукуяма, 2004 – Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»; ОАО «ЛЮКС». 2004. 349 с.

Хабермас, 2002 – Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь Мир». 2002. 144 с.

Хайдеггер, 1997 – Хайдеггер М. Кант и проблемы метафизики. М.: Логос. 1997. 143 с.

Хайдеггер, 1993 – Хайдеггер М. (1993). Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика. 1993. С. 192-221.

Харман, 2012 – Харман Г. (2012). О замещающей причинности // НЛО. №2.

Хоружий, 2002 – Хоружий С. (2002). К антропологической модели третьего тысячелетия // Философские науки. Вып. 8. М.: ИФ РАН. С. 108-136.

Шеффер, 2010 – Шеффер Ж.-М. (2010). Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение. 392 с.

References

Agamben, 2012 – Agamben, Dzh. (2012). Otkrytoe: Chelovek i zhivotnoe [Open: Man and animal.]. М.: RGGU. 112 p. [in Russian]

Bodriiyar, 2015 – Bodriiyar, Zh. (2015). Pochemu vse eshche ne ischezlo? [Why is it still not gone?]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiyar-pochiemu-vsie-ieshchie-nie-ischiezlo> [in Russian]

Deskola, 2012 – Deskola, F. (2012). Po tu storonu prirody i kul'tury [Beyond nature and culture]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 584 p. [in Russian]

Fuko, 1994 – Fuko, M. (1994). Slova i veshchi [Words and things]. Spb.: A-cad. 408 p. [in Russian]

Fukuyama, 2004 – Fukuyama, F. (2004). Nashe postchlovechesкое budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii [Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution]. М.: ООО «Izdatel'stvo AST»; ОАО «LYuKS». 349 p. [in Russian]

Girenok, 2017 – Girenok, F.I. (2017). Autografiya yazyka i soznaniya [Autography of language and consciousness] М.: Prospekt. 2017. 256 p. [in Russian]

Kastru, 2017 – Kastru, E.V. de (2017). Kannibal'skie metafiziki. Rubezhi poststrukturnoi antropologii [Cannibal metaphysicians. Frontiers of poststructural anthropology]. М.: Ad Marginem Press. 200 p. [in Russian]

Khabermas, 2002 – Khabermas, Yu. (2002). Budushchee chlovecheskoi prirody [The future of human nature]. М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 144 p. [in Russian]

Khaidegger, 1993 – Khaidegger, M. (1993). Pis'mo o gumanizme [Letter about humanism]. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. М.: Respublika. Pp. 192-221. [in Russian]

Khaidegger, 1997 – Khaidegger, M. (1997). Kant i problemy metafiziki [Kant and the problems of metaphysics.]. М.: Logos. 143 p. [in Russian]

Kharman, 2012 – Kharman, G. (2012). O zameshchayushchei prichinnosti [About substitute causality]. NLO. №2. [in Russian]

Khoruzhii, 2002 – *Khoruzhii, S.* (2002). K antropologicheskoi modeli tret'ego tysyacheletiya [Toward an anthropological model of the third millennium]. *Filosofskie nauki*. Vyp. 8. M.: IF RAN. Pp. 108-136. [in Russian]

Kon, 2018 – *Kon, E.* (2018). Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka [How forests think: to anthropology on the other side of man]. M.: Ad Marginem Press. 344 p. [in Russian]

Martynov, 2013 – *Martynov, V.* (2013). Nashe vse: Malevich, Dyushan, Keidzh [Our everything: Malevich, Duchamp, Cage]. Sto let russkogo avangarda: sbornik statei. M.: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Moskovskaya konservatoriya». Pp. 30-35. [in Russian]

Meiyasu, 2015 – *Meiyasu, K.* (2015). Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After limb: Essay on the need for contingency]. Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi. 196 p. [in Russian]

Morton, 2019 – *Morton, T.* (2019). Stat' ekologichnym [Become environmentally friendly]. M.: Ad Marginem Press, Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh». 240 p. [in Russian]

Osipov, 2016 – *Osipov, Yu.M.* (2016). Belye skrizhali. Summa inogo znaniya [White tablets. The sum of other knowledge]. M.: TEIS. 464 p. [in Russian]

Pinker, 2018 – *Pinker, S.* (2018). Chisty list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya [Blank sheet: Human nature. Who and why refuses to recognize her today.]. M.: Al'pina non-fikshn. 608 p. [in Russian]

Rostova, 2017 – *Rostova, N.N.* (2017). Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka [The expulsion of God. The sacred problem in human philosophy.]. M.: Prospekt. 432 p. [in Russian]

Rostova, 2020 – *Rostova, N.N.* (2020) «Khorror» v sovremennoi filosofii: mezhdru antropologizatsiei i deantropologizatsiei diskursa [“Horror” in modern philosophy: between anthropologization and deanthropologization of discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. № 1. Pp. 44-60. [in Russian]

Sheffer, 2010 – *Sheffer, Zh.-M.* (2010). Konets chelovecheskoi isklyuchitel'nosti [The end of human exclusivity]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p. [in Russian]

Smirnov, 2005 – *Smirnov, S.* (2005). Chelovek perekhoda [The man of transition]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t ekonomiki i upr. 535 p. [in Russian]

Varava, 2013 – *Varava, V.* (2013). Nevedomyi Bog filosofii [The Unknown God of Philosophy]. M.: Letnii sad. 256 p. [in Russian]

Volleben, 2018 – *Volleben, P.* (2018). Dukhovnyi mir zhivotnykh [The spiritual world of animals.]. Minsk: Popurri. 240 p. [in Russian]

Вопрос о человеке в современной философии

Наталья Николаевна Ростова^{a, *}

^aМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется судьба вопроса «Что есть человек?» в современной философии. Автор выделяет две базовые стратегии – постгуманизм и посткосмизм. Первая стратегия является доминирующей для западноевропейской философии, вторая – для русской философии. Используя метод сравнительного анализа, автор дает характеристику обоим подходам. Постгуманистическая стратегия основывается на идее конца исключительности человеческого существования. Историческим источником данной идеи автор считает концепцию смерти человека. Эта идея реализуется путем снятия базовых оппозиций, а именно: «природа и культура», «человек и техника», «человек и животное», «человек и объекты». Суть постгуманистической стратегии состоит в редукции человека к миру наличного, включении в детерминирующее его целое.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnrostova@yandex.ru (Н.Н. Ростова)

Постгуманистическая традиция находит воплощение сегодня в проектах новой онтологии, новой феноменологии, новой антропологии, новой экологии. Для современной русской философии, как и для русской философии вообще, вопрос о человеке определяет вопрос о бытии. В русской философии появляется концепция антропологической катастрофы и формулируются новые антропологические проекты, отвечающие на ее вызовы. Посткосмизм современной русской философии состоит в том, чтобы преодолеть логику космизма и установить связь с русской религиозной философией, открыв суть человека не в природе и теле, а в его метафизическом расширении, трансцендировании себя.

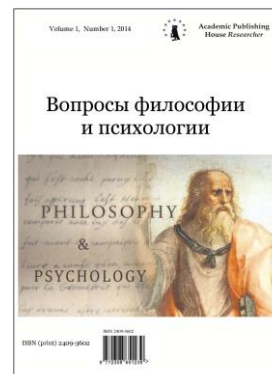
Ключевые слова: человек, философия, философская антропология, животное, техника, спекулятивный реализм, новая экология, постгуманизм, посткосмизм, современная русская философия.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2020, 7(1): 34-41

DOI: 10.13187/vfp.2020.1.34
www.ejournal20.com

Directions for the Study of Responsiveness as a Personal Determinant of Effective Group Management

Elena A. Volodarskaya ^{a, *}, Artem F. Gasimov ^b

^a Institute of the history of science and technology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of modern ideas about the phenomenon of responsiveness of a leader in a group, established in psychology and other areas of knowledge based on the use of different criteria for describing this phenomenon. The first approach considers responsiveness as a quality of the emotional intelligence of a person, empathy, understanding of the feelings of another person.

The second methodological approach considers responsiveness as an element of the general humanitarian culture of the individual. The third theoretical approach determines the pedagogical conditions for the development of responsiveness in preschool and primary school age. The fourth area describes responsiveness as a professionally important quality of people in helping professions.

In addition to psychological approaches, the phenomenon of responsiveness is considered within the framework of the economy, where it is supposed to analyze responsiveness as a criterion for assessing the relationship between business and society, a component of consumer loyalty. In business psychology, the leader's responsiveness is determined from the perspective of a significant skill in intergroup communication, an understanding of the growing tension in the group, an indicator of professionalism and the conditions for business training.

Keywords: responsiveness, leadership, group management, empathy, responsibility, professionally important personality quality.

1. Введение

Отзывчивость как психологическая характеристика значимого качества, определяющего выдвижение личности в лидерскую позицию в группе, становится в последнее время востребованной категорией оценки деятельности организаций в экономической сфере. Так, главной темой Международного экономического форума в Давосе в 2017 г. стало «Отзывчивое и ответственное лидерство». Иными словами, социальная отзывчивость наряду с социальной справедливостью входит в понятие социальной ответственности бизнеса и становится элементом контроля деятельности бизнеса со стороны общества.

* Corresponding author

E-mail addresses: eavolod@gmail.com (E.A. Volodarskaya), gasimov.artem@gmail.com (A.F. Gasimov)

В ходе дискуссий в рамках экономического форума обращалось внимание на ответственность, отзывчивость бизнеса перед глобальными вызовами современной экономики: неравенство, борьба с эпидемиями, угроза несоблюдения мировых правил экономических отношений, размывание границ среднего класса как опоры современной экономики.

Востребованность чуткости экономических и политических лидеров по отношению к изменяющейся экономической реальности роста тенденции к замыканию экономики в рамках границ государства, а не в рамках общего рынка, политической системы Европейского союза, США, свидетельствует о необходимости перехода психологического феномена отзывчивости от уровня индивидуальных характеристик личности к качеству межличностных и межгрупповых отношений. Иными словами, отзывчивость рассматривается в качестве ресурса продуктивного решения вопросов поддержания общего экономического порядка, основанного на глобальном характере современной экономики, общности правил и норм взаимодействия.

Можно говорить о междисциплинарном характере изучения отзывчивости, с одной стороны, как индивидуально-личностной характеристики и профессионально – важного признака, а, с другой стороны, как качества работы социальных групп, экономических организаций, бизнеса. Рассмотрение отзывчивости в качестве психологического ресурса конкурентоспособности в экономических отношениях помогает выделить практический запрос на описание этого феномена, выявить факторы, способствующие выдвиганию в лидерскую позицию в системе коммуникаций между организациями. Иными словами, современная ситуация в сфере бизнеса, организационного лидерства, свидетельствует об индивидуализации межгруппового общения экономических агентов, о запросе на все большее использование характеристики личности.

В связи с вышеизложенным *цель работы* состоит в описании сложившихся теоретических подходов к феномену отзывчивости как качества лидера в разных направлениях психологической науки и других научных дисциплинах.

2. Материалы и методы

2.1. Основными теоретико-методологическими основаниями в данном исследовании выступили подходы отечественных и зарубежных исследователей к проблемам изучения феномена отзывчивости как профессионального качества лидера в организационных бизнес-коммуникациях.

2.2. Были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения библиографического материала, обусловленные целью настоящего исследования, направленного на определение психологических особенностей феномена отзывчивости личности, обусловленных спецификой понимания лидерства в бизнес-среде.

3. Результаты

Библиографический анализ литературы по теме отзывчивости личности позволяет выделить несколько направлений. Рассмотрим сложившиеся подходы к описанию содержания феномена отзывчивости в разных направлениях психологической науки.

Первый теоретико-методологический подход трактует отзывчивость как качество эмоционального интеллекта личности, умение сопереживать, понимать чувств другого человека, откликаться на его состояния. Отзывчивость есть положительное духовно-нравственное качество личности, проявляющееся как склонность помогать нуждающимся, видеть и откликаться на нужду, бескорыстие, щедрость, великодушие, умение прощать, терпимость.

Когда говорят об отзывчивости личности как эмоционально-нравственном качестве, то имеют в виду, прежде всего, эмоциональную отзывчивость, связанную с обладанием эмпатией. Быть отзывчивым означает умение помогать и быть внимательным не только к окружающим, но и самому себе. Любовь к себе предполагает любовь к другим людям и наоборот.

Эмоциональная отзывчивость, будучи системным образованием личности, включает в себя такие механизмы, как эмпатия, социальная перцепция, проекции, идентификация и децентрация. Суть эмоциональной отзывчивости определяется возможностью «понимания

Другого, умением почувствовать его состояние, сопереживать происходящее с ним как собственное, принимать его роль, преобразовывать собственные смыслы, оценивать себя; «помогающее поведение» (действия, которые направлены на благо других и за которые не предусматривается каких-либо внешних вознаграждений)» (Курносова, 2013: 2). Эмоциональную отзывчивость понимают, как интегративное личностное качество, выражающееся в способности воспринимать, идентифицировать и оценивать эмоциональное состояние (содержание) объекта (явления), адекватно эмоционально реагировать, формируя индивидуальный эмоциональный опыт (Вербовская, 2013).

Отзывчивость способствует развитию личности. Отзывчивые люди испытывают удовольствие, делая добрые дела, ощущают счастье и радость жизни. Отзывчивость в поведении личности выражается в таких признаках, как: бескорыстное оказание помощи, внимательность к потребностям других, забота, уважение, сопереживание, любовь к людям. К основным проявлениям отзывчивости личности относятся сострадание и сорадование, воспитанность и нравственная зрелость, проявляющиеся в направленности на другого. К необходимым навыкам для проявления и развития отзывчивости относят эффективную коммуникацию, способность понять собеседника, умение создать доверительную атмосферу в общении, умение разрешать конфликты, нравится окружающим, создавать положительное мнение, вызывать уважение и восхищение (Стылик, 2001).

Важный вопрос, затрагиваемый исследователями, – это вопрос о структуре и уровнях выраженности эмоциональной отзывчивости личности. В качестве структурных компонентов данного феномена выделяют когнитивный, эмоционально-мотивационный и поведенческий компоненты. Так как отзывчивость представляет собой динамическое образование, способное к развитию, то принято говорить о низком, среднем и высоком уровнях эмоциональной отзывчивости личности.

Второй методологический подход к описанию особенностей феномена отзывчивости связан с ее рассмотрением как элемента общей гуманитарной культуры личности. В частности, отзыв на транслируемое содержание информации, качество отклика на художественное произведение, музыку. Например, в аспекте возникновения музыкально-эстетического переживания, соотнесения собственных эмоций с эмоциональным содержанием музыкальных произведений. Так, эмоциональная отзывчивость на явления музыкальной культуры включается в общий уровень музыкальной культуры личности (Осипова, 2011). Отзывчивость есть качество обратной связи в общении, отклик, отзыв на транслируемое содержание информации, на художественное произведение, музыку.

Отзывчивость определяет возникновение музыкально-эстетического переживания, которое можно передать фразой «Берет за душу». Здесь отзывчивость трактуется, с одной стороны, как понимание эмоций другого человека, а, с другой стороны, как формирование положительных эмоций у себя в ответ на другого человека или художественное произведение. Отзывчивость на окружающую действительность и произведения искусства выступает элементом музыкально-эстетического сопереживания как основы эмоционально-чувственной культуры личности, становясь фундаментом «для эмоциональной насыщенности и эстетической направленности на отношение к окружающим людям и миру, способности разделять переживания других людей, отраженных в музыке и приобщаться к ним» (Татаренко, 2006: 12).

Эмоциональная отзывчивость является одним из четырех основных литературных способностей читателей художественных произведений, наряду с читательским воображением, эстетическим чувством формы и пониманием смысла произведения. Под эмоциональной отзывчивостью как способностью воспринимать литературное произведение авторы понимают активное сопереживание, сочувствие, присоединение к героям произведения.

Третье направление теоретико-методологического анализа отзывчивости нацелено на ее включение в перечень профессионально важных качеств людей помогающих профессий, таких как психолог, врач, учитель, работник сферы обслуживания. В рамках данного подхода отзывчивость рассматривается как качество имиджа сотрудника, фактор его профессиональной успешности, продуктивности. Например, отзывчивость входит в перечень необходимых профессионально значимых качеств личности педагога. В частности, эмоциональная отзывчивость будущих учителей музыки на произведения

русской народной музыки становится детерминантом общей педагогической культуры педагога (Северина, 2006).

Эмоциональная отзывчивость может выступить «базовой характеристикой эмоциональной саморегуляции индивида, центральной составляющей сенсорной культуры личности. А способность создавать условия для ее развития необходимо рассматривать как важнейший аспект профессиональной компетенции педагога и как предмет его педагогической деятельности. Педагогически эффективными условиями развития эмоциональной отзывчивости являются как реально непосредственные условия межличностных коммуникаций субъектов, так и опыт взаимодействия, опосредованный художественными видами деятельности: музыкальной, изобразительной, танце пластической, литературно-исторической и театральной» (Анисимов, 2011: 498).

Четвертый теоретический подход фокусирует свой анализ на педагогических условиях развития, воспитания отзывчивости у людей разного возраста, в основном дошкольников и школьников (Романов, 2002). В качестве критериев сформированной отзывчивости в младшем школьном возрасте предложены такие показатели, как адекватность различения основных эмоций у себя и других людей, проявление эмоциональных реакций в процессе прослушивания музыкального произведения или овладения навыками игры на музыкальных инструментах, владение способами выражения эмоций. Индивидуальные особенности эмоциональной отзывчивости на музыкальные произведения у младших школьников выражаются в глубине эмоциональных реакций, в доминировании определенного типа эмоций, в умениях различать, обозначать и выражать эмоции. «Педагогическими условиями развития эмоционально-нравственной отзывчивости подростков в воспитательной системе школы выступают: осуществление продуктивной интеграции гуманитарного содержания учебных предметов во взаимодополняемом единстве с личностно-развивающими возможностями сферы искусства; направленное использование в образовательном процессе эмоционально-развивающего потенциала различных форм этического просвещения, эмоционального погружения и практико-ориентированного психотренинга; организация теоретико-практической подготовки учителей к работе по развитию гуманных чувств личности подростка» (Удовина, 2008: 154).

Среди педагогических приемов и средств развития эмоциональной отзывчивости дошкольников выделены такие приемы, как музыкальные занятия и творческие мастерские; чтение, обсуждение и инсценировка художественных произведений; развитие мимики, пантомимы, релаксационные упражнения. Эти приемы направлены на знакомство дошкольников с основными группами эмоций, развитие словарного запаса через обозначение разных эмоций; обучение соотносить эмоции с цветом, явлениями, предметами и выражать их художественными средствами; формирование приемов определения эмоционального состояния других по мимике; развитие способности делиться своими переживаниями, описывать и контролировать свои эмоции; замечать эмоциональное неблагополучие сверстников.

Роль, в частности, музыкального воспитания в процессе формирования эмоциональной отзывчивости школьника подчеркивается тем, что «эмоциональная отзывчивость на музыку отражает формирующееся личностное качество ребёнка, содержанием которого является эмоционально-ценностное отношение к музыке, основу которого составляет музыкально-интонационный опыт, влияющий на эмоционально-оценочное отношение к произведениям музыкального искусства, а ее объективная характеристика конкретизируется в наличии эмоционального отклика, сопереживания, осознания выразительности музыкальных интонаций и внешне выраженного положительного эмоционально-оценочного отношения» (Мартынова, 2008: 14).

Вовлечение детей в театральную музыкальную деятельность создает возможности для развития эмоциональной отзывчивости младших школьников за счет взаимодействия когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов феномена отзывчивости личности в процессе музыкально-сценических занятий в детском музыкальном театре.

Таким образом, различные подходы к выявлению особенностей феномена отзывчивости, сложившиеся в психологической науке, обращают внимание на отдельные стороны этого феномена. В педагогической психологии акцент ставится на условия,

механизмы, факторы развития отзывчивости в процессе воспитания и обучения детей. Общепсихологический подход интересуется в основном структурой, строением, содержательными параметрами отзывчивости, а также включением этого признака в общую культуру и мировоззрение личности.

В социальной психологии и психологии труда фокус анализа переносится на отзывчивость как профессионально-значимое качество личности в конкретной профессиональной деятельности.

Помимо психологических подходов к трактовке феномена отзывчивости его изучение становится востребовано и в других сферах науки и практики, в частности, в экономике и менеджменте, что связано с глобальными вызовами современности.

Остановимся более подробно на подходах к феномену отзывчивости в экономике и менеджменте, где предполагается рассматривать отзывчивость в качестве критерия оценки взаимоотношений бизнеса и общества, компонента потребительской лояльности.

В рамках первого непсихологического подхода отзывчивость рассматривается как этическая норма бизнеса. Отзывчивость и социальная справедливость рассматриваются в качестве компонентов более общего понятия социальной ответственности бизнеса, которое выступает психологической категорией оценки экономической сферы, контроля деятельности бизнеса со стороны общества.

Социальную ответственность бизнеса рассматривают в качестве социальной инновации и понимают под этим термином «производство товаров и услуг высокого качества, полную уплату налогов, создание безопасных условий труда, добросовестной деловой практики по отношению к партнерам/конкурентам, предоставление компаниями информации о своей деятельности, забота о социальной защите и развитии как собственного персонала, так и местного сообщества, природоохранных мерах, в результате чего происходит формирование принципиально новых отношений между бизнесом и обществом, когда благополучное социальное окружение способствует развитию бизнеса и стимулирует его социальную ответственность» (Цветкова, 2004: 6).

Исследователи полагают, что социальная отзывчивость организаций формируется на микроэкономическом уровне, отражает это качество как элемент корпоративной культуры группы, который определяет необходимость заинтересованности в повышении конкурентоспособности, гибко учитывать показатели экономической продуктивности и социальной эффективности предприятия. Отзывчивость входит в этический кодекс правил взаимодействия бизнеса и общества. «Под ответственностью понимается возможность бизнеса как социального субъекта генерировать свою социальную активность, а также контролировать, прогнозировать, управлять ею. Этос бизнеса преломляется в такой реалии, как социальная ответственность, которая манифестирует его намерения, этические принципы, ожидания в наличной социальной жизни» (Хваловская, 2011: 4).

Согласно второму теоретическому непсихологическому подходу отзывчивость связывается с проявлением благотворительности разных социальных групп, понимаемой как «поли смысловая и поли мотивированная активность субъекта, направленная на оказание материальной помощи людям, выражающим в этом необходимость и не предполагающая общественного признания» (Чернова, 2008: 252).

Отзывчивость на нужды других определяет альтруистическую эмпатийную мотивацию осуществления благотворительной деятельности, что выражается в осознании личностью и группой потребности в оказании материальной помощи нуждающимся и её реализации на практике.

Социальные инвестиции являются залогом успешного развития бизнеса. Благотворительность, спонсорство, наряду с социально-экономическим развитием территорий, экологическими и природоохранными мероприятиями, становятся наиболее востребованными социальными инвестициями, направленными на решение острых социальных проблем. Причем эти продуманные социальные инвестиции являются отзывом, откликом, рождающимся в результате взаимодействия бизнеса с местным сообществом, помогая занять бизнесу лидирующие позиции в экономическом секторе через решение адресных социальных вопросов.

Таким, образом, выделение отзывчивости как индивидуально-психологического признака в качестве необходимого компонента социальной успешности бизнеса выводит

изучение этого феномена на новый уровень теоретического осмысления и практического применения.

Отзывчивость входит как элемент вместе с социальной справедливостью в понятие социальной ответственности бизнеса в структуре его взаимоотношений с обществом.

4. Заключение

Таким образом, осуществление лидерства является результативным решением вопроса развития коллектива. Цель лидера состоит не только в распределении задач, но и в понимании, как эти задачи можно решить максимально эффективно. Сформировались основные подходы к лидерской позиции в группе, такие как: структурный, поведенческий и системный, в основе выделения которых лежат различные аспекты взаимодействия личности лидера и группы последователей.

Лидер должен обладать комплексом индивидуальных свойств и эмоциональных качеств. Одной из индивидуально-личностных детерминант лидерской позиции выступает отзывчивость, понимаемая как психологическое качество личности, выражающееся в готовности помочь другому, умении легко откликаться на чужие нужды, прощать и понимать, способности к сочувствию другому или другим.

Направления анализа отзывчивости основываются на использовании разных критериев описания этого феномена. Первый подход рассматривает отзывчивость как качество эмоционального интеллекта личности, сопереживание, понимание чувств другого человека. Отзывчивость основывается на хорошо развитой эмпатии.

Второй методологический подход рассматривает отзывчивость в качестве элемента общей гуманитарной культуры личности. Третий теоретический подход фокусирует свой анализ на педагогических условиях развития, воспитания отзывчивости у людей разного возраста, в основном дошкольников и школьников. Четвертое направление изучения отзывчивости описывает ее как профессионально важное качество людей помогающих профессий.

Помимо психологических подходов феномен отзывчивости рассматривается в рамках экономики, где предполагается анализировать отзывчивость в качестве критерия оценки взаимоотношений бизнеса и общества, компонента потребительской лояльности.

В бизнес-психологии отзывчивость лидера определяют с позиции значимого навыка в межгрупповой коммуникации, понимания нарастающей напряженности в группе, показателя профессионализма и условия бизнес-обучения.

Итак, результаты исследования будут способствовать дальнейшему пониманию психологических характеристик феномена отзывчивости как основания выдвижения в лидерскую позицию не только в межличностном взаимодействии, но и в обществе в целом, в бизнес-деятельности в частности.

Данные помогут углубить представление о психологических параметрах эффективности деятельности лидеров в управленческой сфере.

Литература

Анисимов, 2011 - Анисимов В.П. Эмоциональная отзывчивость как предмет компетенции арт-педагога // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 3. С. 496-499.

Вербовская, 2013 - Вербовская В.С. Эмоциональная отзывчивость: содержание и структура понятия // *Вестник НВГУ*. 2013. №4. С. 74-78.

Курносова, 2013 - Курносова С.А. Воспитание эмоциональной отзывчивости у младших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2013. 23 с.

Мартынова, 2008 - Мартынова Л.Н. Формирование эмоциональной отзывчивости на музыкальные произведения у 5-7-летних воспитанников детских домов: на материале праздников: дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2008. 141 с.

Осипова, 2011 - Осипова М.Б. Формирование музыкальной культуры школьников в условиях малого города: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2011. 167 с.

Романов, 2002 - Романов В.Т. Педагогические условия развития эмоциональной отзывчивости школьников средствами народной музыки: дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2002. 147 с.

Северина, 2006 – *Северина Л.И.* Формирование этнопедагогической культуры будущего учителя музыки в процессе профессиональной подготовки: дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2006. 144 с.

Стылик, 2001 – *Стылик С.А.* Педагогическое руководство развитием эмоциональной отзывчивости младших школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Петропавловск-Камчатский, 2001. 21 с.

Татаренко, 2006 – *Татаренко О.В.* Мотивационные компоненты благотворительной активности субъекта: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 183 с.

Удовина, 2008 – *Удовина Ю.В.* Развитие эмоционально-нравственной отзывчивости подростков в воспитательной системе школы: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2008. 158 с.

Хваловская, 2011 – *Хваловская Н.О.* Этнос бизнеса и проблема социальной ответственности: дис. ... канд. философ. наук. Тверь, 2011. 170 с.

Цветкова, 2004 – *Цветкова Б.Л.* Социальная ответственность бизнеса в современных российских условиях: дис. ... канд. социолог. наук. Нижний Новгород, 2004. 163 с.

Чернова, 2008 – *Чернова Е.А.* Корпоративная социальная ответственность: оценки и ожидания россиян // *Социология власти*. 2008. № 4. С. 252-259.

References

Anisimov, 2011 – *Anisimov, V.P.* (2011). Emotsional'naya otzyvchivost' kak predmet kompetentsii art-pedagoga [Emotional responsiveness as an object of competence of an art teacher]. *Fundamental'nyye issledovaniya*. № 3. P. 496-499. [in Russian]

Chernova, 2008 – *Chernova, Y.A.* (2008). Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': otsenki i ozhidaniya rossiyan [Corporate social responsibility: assessments and expectations of Russians]. *Sotsiologiya vlasti*. № 4. Pp. 252-259. [in Russian]

Khvalovskaya, 2011 – *Khvalovskaya, N.O.* (2011). Etos biznesa i problema sotsial'noy otvetstvennosti [Ethos of business and the problem of social responsibility]: dis. ... kand. filosof. nauk. Tver', 170 p. [in Russian]

Kurnosova, 2013 – *Kurnosova, S.A.* (2013). Vospitaniye emotsional'noy otzyvchivosti u mladshikh shkol'nikov [The upbringing of emotional responsiveness in elementary school students]: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Yaroslavl, 23 p. [in Russian]

Martynova, 2008 – *Martynova, L.N.* (2008). Formirovaniye emotsional'noy otzyvchivosti na muzykal'nyye proizvedeniya u 5-7-letnikh vospitannikov detskikh domov: na materiale prazdnikov [The formation of emotional responsiveness to musical works in 5-7-year-old pupils of orphanages: on the material of holidays]: dis. ... kand. ped. nauk. Yelets, 141 p. [in Russian]

Osipova, 2011 – *Osipova, M.B.* (2011). Formirovaniye muzykal'noy kul'tury shkol'nikov v usloviyakh malogo goroda [The formation of the musical culture of schoolchildren in a small town]: dis. ... kand. ped. nauk. Yekaterinburg, 167 p. [in Russian]

Romanov, 2002 – *Romanov, V.T.* (2002). Pedagogicheskiye usloviya razvitiya emotsional'noy otzyvchivosti shkol'nikov sredstvami narodnoy muzyki [Pedagogical conditions for the development of emotional responsiveness of students by means of folk music]: dis. ... kand. ped. nauk. Khabarovsk, 147 p. [in Russian]

Severinova, 2006 – *Severinova, L.I.* (2006). Formirovaniye etnopedagogicheskoy kul'tury budushchego uchitelya muzyki v protsesse professional'noy podgotovki [Formation of ethno pedagogical culture of a future music teacher in the process of vocational training]: dis. ... kand. ped. nauk. Voronezh, 144 p. [in Russian]

Stylik, 2001 – *Stylik, S.A.* (2001). Pedagogicheskoye rukovodstvo razvitiyem emotsional'noy otzyvchivosti mladshikh shkol'nikov [The pedagogical guidance of the development of emotional responsiveness of elementary school students]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Petropavlovsk-Kamchatskiy, 21 p. [in Russian]

Tatarenko, 2006 – *Tatarenko, O.V.* (2006). Motivatsionnyye komponenty blagotvoritel'noy aktivnosti sub'yekta [Motivational components of the subject's charity activity]: dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 183 p. [in Russian]

Tsvetkova, 2004 – *Tsvetkova, B.L.* (2004). Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa v sovremennykh rossiyskikh usloviyakh [Social responsibility of business in modern Russian conditions]: dis. ... kand. sotsiolog. nauk. Nizhniy Novgorod, 163 p. [in Russian]

Udovina, 2008 – Udovina, Y.V. (2008). Razvitiye emotsional'no-nravstvennoy otzyvchivosti podrostkov v vospitatel'noy sisteme shkoly [The development of emotional and moral responsiveness of adolescents in the educational system of the school]: dis. ... kand. ped. nauk. Orenburg, 158 p. [in Russian]

Verbovskaya, 2013 – Verbovskaya, V.S. (2013). Emotsional'naya otzyvchivost': sodержaniye i struktura ponyatiya [Emotional responsiveness: the content and structure of the concept]. *Vestnik NVGU*. № 4. Pp. 74-78. [in Russian]

Направления изучения отзывчивости как личностной детерминанты эффективного управления группой

Елена Александровна Володарская ^{a, *}, Артем Фаритович Гасимов ^b

^a Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Российская Федерация

^b Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению современных представлений о феномене отзывчивости лидера в группе, сложившиеся в психологии и других областях знания на основе использования разных критериев описания этого феномена. Первый подход рассматривает отзывчивость как качество эмоционального интеллекта личности, сопереживание, понимание чувств другого человека.

Второй методологический подход рассматривает отзывчивость в качестве элемента общей гуманитарной культуры личности. Третий теоретический подход определяет педагогические условия развития отзывчивости в дошкольном и младшем школьном возрасте. Четвертое направление описывает отзывчивость как профессионально важное качество людей помогающих профессий.

Помимо психологических подходов феномен отзывчивости рассматривается в рамках экономики, где предполагается анализировать отзывчивость в качестве критерия оценки взаимоотношений бизнеса и общества, компонента потребительской лояльности. В бизнес-психологии отзывчивость лидера определяют с позиции значимого навыка в межгрупповой коммуникации, понимания нарастающей напряженности в группе, показателя профессионализма и условия бизнес-обучения.

Ключевые слова: отзывчивость, лидерство, управление группой, эмпатия, ответственность, профессионально важное качество личности.

* Корреспондирующий автор

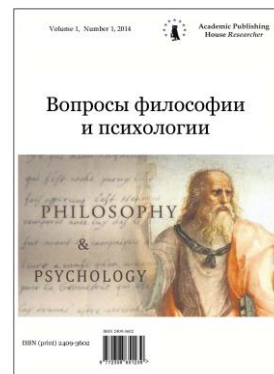
Адреса электронной почты: eavolod@gmail.com (Е.А. Володарская),
gasimov.artem@gmail.com (А.Ф. Гасимов)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2020, 7(1): 42-48

DOI: 10.13187/vfp.2020.1.42
www.ejournal20.com

«Open» Science as a New Form of Interaction with Society

Elena A. Volodarskaya ^{a, *}

^a Institute of the history of science and technology, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Abstract

The article reveals the modern approach to building a system of relations between science and society. The phenomenon of "open" science is described. The possible directions of movement towards more accessible for non-specialists scientific results and their participation in the production of new knowledge are analyzed in detail. These are such areas as the fundamentalization of the educational environment, the development of research competencies of students; scientific and educational tourism; revision of the criteria for assessing the scientific result.

“Open” science will increase the prestige of the profession of a scientist, build more trusting relationships between participants in this system by promoting scientific knowledge and strengthening the scientific worldview and interest of citizens, creating conditions for the implementation of an applied request from society. Criteria for assessing the conditions for carrying out research activities, the practical value of the economic feasibility of science are becoming more popular and require a review of characteristics traditional for science.

The openness of science presupposes the active development of “open” scientific competencies, common both for professionals and for people outside research institutions, which entails the fundamentalization of training for the development of such “open” research knowledge and skills.

Scientific tourism combines science and tourism, creates the conditions for a new type of outdoor activities, when non-specialists interested in scientific knowledge, under the guidance of scientists, make their own contribution to the development of science. This allows satisfying the research interest of a non-specialist, forming and supporting his scientific worldview, and reinforcing a positive attitude towards science in society.

Keywords: “open” science, the interaction of science and society, the fundamentalization of education, research competence, scientific tourism, criteria of scientific performance.

1. Введение

Система взаимоотношений науки и общества включает в себя профессиональное научное сообщество и различные заинтересованные в научном знании социальные группы – наукоемкий бизнес, государственные структуры, потребители научных результатов, образовательное пространство, интересующиеся научным знанием субъекты. При относительной устойчивости «игроков» в данной системе, меняется характер межгрупповых отношений между ними.

* Corresponding author
E-mail addresses: eavolod@gmail.com (E.A. Volodarskaya)

Некоторое время назад можно было говорить об удаленности, большой психологической дистанции между человеком науки и непрофессионалами. Когда наука воспринималась, образно говоря, как башня из слоновой кости, в которой работают над чем-то очень важным, но непонятным широкому кругу лиц, профессиональные ученые.

В более позднее время вектор интереса со стороны общества стал смещаться к требованию социальной ответственности ученого за применение результатов своего труда в более широкой сфере. Хотя сам процесс научного творчества нацелен на продуцирование нового, а не оценку возможностей его применения в практической деятельности общества. Тем не менее, негативный опыт техногенных катастроф стимулировал представителей разных групп общественности ставить перед учеными, порождающими знание, этический вопрос использования их труда как на пользу, так и во вред общества. Обсуждение проблемы использования научного результата отражал попытку влиять на особенности научной деятельности через усиление ее контроля со стороны общества как конечного потребителя этого нового знания.

В настоящее время мы становимся свидетелями выстраивания нового типа взаимоотношений науки и общества. А именно формирования феномена «открытой» науки: открытой для всех участников коммуникационного процесса между наукой и обществом. Границы их взаимодействия становятся все более прозрачными и гибкими.

Во-первых, заинтересованные в научном знании социальные группы хотят не только получать в готовом виде новые научные результаты, но и участвовать в их выработке.

Во-вторых, ученые, опираясь на практические запросы и направления интереса общества, государства, бизнеса, во-первых, привлекают их в качестве добровольных помощников, делегируя определенные исследовательские полномочия. А, во-вторых, продвигая в обществе новое знание через создание условий для формирования собственного опыта исследовательской деятельности, развития научного мировоззрения, привлекательности науки как сферы деятельности.

И, в-третьих, демонстрируя социальную отзывчивость на внешний по отношению к науке запрос, подтверждая тем самым социальную значимость и релевантность содержания научной деятельности.

Понятие «Открытая» наука используется как термин, определяющий современное движение в системе взаимодействия науки и общества, цель которого — сделать научные исследования, данные и их распространение доступными для всех социальных групп, заинтересованных в научном знании, и любителей, и профессионалов. Открытость науки проявляется, например, в открытой для широкого доступа форме публикации результатов исследовательской деятельности, облегчении использования научного знания для внешней по отношению к профессиональному научному сообществу целевой аудитории науки, стимулировании ученых для вовлечения их в процесс научной популяризации и открытости научных дискуссий.

2. Материалы и методы

2.1. Основными теоретико-методологическими положениями в данном исследовании выступили подходы отечественных и зарубежных исследователей к проблемам психологии науки, методологии описания индивидуально-психологических качеств личности ученого.

2.2. Были использованы методы научного познания, обусловленные целью настоящего исследования — описания психологических характеристик открытой системы взаимодействия науки и общества.

3. Результаты

Проблема открытости результатов научного творчества отдельного ученого и научных коллективов сопрягается, с одной стороны, с авторскими правами ученого на результат, публикуемый в научном журнале, редакция которого накладывает ограничения на более широкое использование результатов.

С другой стороны, с вопросом дальнейшего правильного использования полученного научного результата, затрагивающего, в частности, морально-этические нормы общества. Например, генетически модифицированные продукты, клонирование живых организмов и т.д.

С третьей стороны, в научном сообществе присутствует конкуренция за финансовые ресурсы грантовой поддержки исследований, приоритетность научного результата, что может препятствовать выкладыванию в открытый доступ содержания исследовательского поиска.

И, с четвертой стороны, ученые опасаются, что представленные на широкий читательский суд научные факты могут быть неправильно интерпретированы и недостаточно понятны неспециалистам.

Несмотря на существующие опасения со стороны научного сообщества движение в сторону открытой науки стало современной реальностью. В 2016 году в рамках заседания Совета по конкурентоспособности, входящего в состав Совета Европейского союза, было принято решение о переходе в открытый доступ всех научных публикаций, произведённых на территории Европы. С этого времени можно официально вести историю феномена «Открытой» науки.

Примером открытой науки может служить проект КиберЛенинка, которая является российской научной электронной библиотекой открытого доступа. Проект направлен на распространение знаний по модели открытого доступа, обеспечивая бесплатный оперативный полнотекстовый доступ к научным публикациям, которые в зависимости от договоренностей с правообладателем размещаются по открытой лицензии. На сегодняшний день КиберЛенинка входит в пятерку открытых архивов мира, являясь крупнейшим легальным научно-образовательным ресурсом.

Данный проект начал работать в сентябре 2012 года с привлечением 40 научных журналов с совокупным количеством статей в 20000 и минимальным охватом аудитории. На период декабря 2018 года в базу данных проекта входит 1750 журналов, содержащих 1650000 публикаций и месячной аудиторией обращений в 4000000 читателей.

В связи с новым типом системы взаимоотношений науки и общества в рамках развития открытой науки следует выделить несколько значимых направлений этого движения. Это такие, в частности, направления как а) фундаментализация системы подготовки специалистов в рамках средней и высшей школы; б) научно-образовательный туризм; в) пересмотр критериев научной результативности диссертационного исследования.

Последовательно рассмотрим каждое из направлений.

А) В 2016 г. Европейский союз принял ряд документов, касающихся большого проекта по созданию открытой инновационной системы в плане взаимодействия научного сообщества и общества. В данной системе необходимо выстроить долгосрочные и тесные связи между разными участниками образовательной системы (школами, высшими учебными заведениями) и учреждениями науки. То есть образовательное пространство должно работать в сотрудничестве с исследовательским пространством.

Взаимодействие науки и общества обусловлено тем, что ученые приходят из общества, пройдя разные этапы подготовки и сформировав мотивацию занятия наукой. Но мотивация исследовательской деятельности может выработаться и у непрофессионального ученого, у человека, интересующегося этой сферой, обладающего соответственными умениями и возможностями (Зеер, Сыманюк, 2005).

В связи с этим открытость науки предполагает активное развитие «открытых» научных компетенций, общих как для профессионалов, так и для людей за рамками исследовательских учреждений. Речь идет о так называемой фундаментализации обучения, начиная с начальной школы и заканчивая профессиональной подготовкой, предполагающей развитие подобных «открытых» исследовательских знаний, умений и навыков (Садовников, 2011). Уровень образованности, особенно в современных условиях, не определяется объемом знаний, их энциклопедичностью. С позиций компетентностного подхода уровень образованности определяется способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний. Компетентностный подход не отрицает значения знаний, но он акцентирует внимание на способности использовать полученные знания (Лебедев, 2004).

Так, все большее распространение так называемых «умных технологий», таких как «умный дом», «умный город», возрастающая цифровизация жизни обычного гражданина, делает необходимым повышение его общенаучных знаний, умений и навыков.

«Открытые» исследовательские компетенции связаны со следующими видами умений:

Во-первых, навыки работы с литературными источниками, информацией, ее анализ, обобщение, составление отчетов, написание рефератов и эссе.

Во-вторых, навыки работы с разного типа данными, их обработка, систематизация, выделение закономерностей и т.д., умения осуществлять проектную деятельность.

В-третьих, общие этико-правовые навыки: нормативно-правовая грамотность, соблюдение этических правил при работе с научной информацией.

И, в-четвертых, – это коммуникативные умения продвижения научного знания, популяризации науки в обществе для усиления ее влияния (Караваяева и др., 2018).

Б) Важным аспектом выстраивания новой системы взаимоотношений между наукой и обществом в рамках Открытой науки является понятие гражданской науки, описывающей процесс включения неспециалистов, широких групп общественности в исследования и разработки. Можно говорить о расширении социального контекста функционирования науки на современном этапе. Говоря о необходимых коммуникативных умениях ученых по привлечению к исследованиям непрофессионалов, важно обратить внимание на такие характеристики, как включение граждан в исследовательские проекты по сбору первичных данных, обсуждение направлений и хода научных изысканий, дискуссии по поводу выработки государственной научной политики, повышение научной осведомленности граждан через доведение до них результатов научного исследования.

В этой связи развитие в последние годы научно-образовательного туризма, несомненно, свидетельствует об активном привлечении граждан к самостоятельному исследовательскому поиску (Ерешко, 2016). Научный туризм объединяет науку и туризм, создает условия для нового типа активного отдыха, когда неспециалисты, заинтересованные в научном знании, под руководством ученых вносят собственную лепту в развитие науки. Этот вид взаимодействия науки и общества позволяет удовлетворить исследовательский интерес неспециалиста, сформировать и поддержать его научное мировоззрение, усилить позитивное отношение к науке в обществе. Научные экспедиции позволяют превратить научный поиск в увлекательное приключение, праздник науки, способ проверки своих возможности, возможность общения с интересными людьми-профессиональными учеными (Пономарева, 2015).

Для науки научно-образовательный туризм важен не только для продвижения, популяризации научного знания, но и для получения нового фактического материала в ходе экспедиций в составе полевого отряда научной организации с целью реставрации древних памятниках, раскопок городов прошлого, наблюдения за животным и растительным миром, этнографических реконструкций, выявления районов для прокладывания новых туристических районов и объектов для экскурсий, составления отчетов, туристических карт, путеводителей (Лебедева, 2013).

Научно-образовательный туризм предполагает участие в реализуемых научных программах, но без извлечения материальных выгод. Среди проектов Комиссии научного туризма при Российской академии наук можно назвать многолетний проект «Тайны Русского Севера», нацеленный на исследование малоизученного, забытого природного и историко-культурного наследия Севера России.

Также организовано несколько экспедиций по поиску утерянных колоколов Соловецкого монастыря «Исторические колокола Соловецкого монастыря». Или проект «Гардарика – исторические города Руси», направленный на создание серии фильмов о древних городах и городищах России и стран Ближнего зарубежья, их истории, достопримечательностей, современном состоянии и перспективах развития. Существует проект «Маяки России», цель которого заключается в сохранении и вводе в новый хозяйственный оборот списанных маяков навигационной службы, являющихся ее историческими памятниками.

Образовательный компонент предполагает участие неспециалистов в научных мероприятиях, что позволяет стать свидетелем научных дискуссий между учеными, транслирующими разные, иногда альтернативные, точки зрения на проблему, что в конечном итоге ведет к выработке обобщенного, научно-популярного представления о теме. А это, в свою очередь, помогает присвоению выработанного знания в более широком социальном контексте.

В) Третьим обозначенным нами направлением продвижения концепции Открытой науки становится динамика критериев оценки научной результативности диссертационного

исследования. Актуальность уточнения критериев оценки результативности научных исследований в целом и диссертационных работ, в частности, была отмечена в выступлении Президента РФ на заседании Совета по науке и образованию 27 ноября 2018 г. В ходе заседания была подчеркнута необходимость «выстроить на всех этапах исследования прозрачную и объективную экспертизу результатов, сформировать понятные критерии их оценки. Более прозрачным, публичным должен стать процесс присвоения учёных степеней и званий» ([Заседание Совета..., 2018](#)).

В науковедении речь идет о таких параметрах научного результата, как продуктивность, результативность, полезность, ценность научно-технической продукции. Представление о качестве научной деятельности, которое формируется у представителей разных социальных групп, строится в соответствии с принципом неординарности значимости параметров оценки науки. Для профессиональных исследователей базовым структурным элементом выступает содержание исследовательской деятельности. А для внешних групп по отношению к производству научного знания (например, для органов государственной власти, бизнеса, пользователей наукоемкого продукта) акцент переносится на условия осуществления исследовательской деятельности, социальный статус ученого, практическую ценность, экономическую целесообразность науки. В современной социальной ситуации эти критерии оценки научной деятельности становятся все более востребованы и предполагают пересмотр традиционных для науки характеристик ([Володарская, 2019](#)).

Влияние непрофессионального научного сообщества на критерии научной результативности проявляется, в частности, в необходимости соотносить качество подготовки в аспирантуре и докторантуре с требованиями профессиональной среды. В 2013 г. было принято Постановление Правительства РФ № 23 «О Правилах разработки и утверждения профессиональных стандартов» ([Постановление Правительства..., 2013](#)), на основании которого были разработаны и утверждены уровни квалификации работников в зависимости от их соответствия умениям, знаниям, уровню квалификации, полномочий и ответственности личности сотрудника ([Приказ Минтруда..., 2013](#)).

Выделенные уровни квалификаций, включающие в себя показатели и пути достижения каждого из 9 уровней, необходимы для стандартизации описания трудовых функций, требований к образованию и обучению работников. Программы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре отражают высшие (8 и 9) уровни квалификации специалиста.

Обратим внимание на перечень показателей данных уровней подготовки, которые выступают в данной системе критериями оценки результативности научного работника. В качестве полномочий ответственности рассматриваются навыки стратегического управления крупными подразделениями и организациями.

В качестве основных умений перечислены развитие новых методов и технологий для развития области профессиональной деятельности. Характер необходимых знаний конкретизируется в понимании методологии, ее междисциплинарного и межпредметного характера, информационной базы развития профессиональной сферы.

4. Заключение

Итак, наблюдаемый сегодня поворот к формированию открытой, гражданской науки как нового качества системы взаимоотношений науки и общества позволит, с одной стороны, повысить значимость, престиж профессии ученого, с другой стороны, выстроить более доверительные отношения между участниками данной системы через продвижение научного знания и усиление научного мировоззрения и интереса граждан.

А, с третьей стороны, он создаст условия для реализации практического, прикладного запроса со стороны общества, который является первостепенным в данной системе межгрупповых отношений, по сравнению с приоритетом самого процесса познания и исследовательского поиска, наиболее важного для профессионального ученого.

Литература

[Володарская, 2019](#) – Володарская Е.А. Динамика критериев оценки результативности научных исследований // *Социология науки и технологий*. 2019. Т. 10. № 2. С. 120-128.

Ерешко, 2016 – *Ерешко Ф.И.* Научный туризм – цель и средство прогресса в развитии регионов. [Электронный ресурс]. URL: <http://archiv.council.gov.ru/files/journalsf/item/20061107123724.pdf> (дата обращения 15.08.2016).

Заседание Совета, 2018 – Заседание Совета по науке и образованию от 28.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=8c2f8c2e-788e-4538-868e65344a0792> (дата обращения 04.12.2019).

Зеер, Сыманюк, 2005 – *Зеер Э., Сыманюк Э.* Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // *Высшее образование в России*. 2005. № 4. С. 22-28.

Караваева и др., 2018 – *Караваева Е.В., Воробьева О.В., Тышкевич В.П.* О разработке модели формирования исследовательских компетенций выпускников программ высшего образования // *Высшее образование в России*. 2018. №4. С. 33-47.

Лебедев, 2004 – *Лебедев О.Е.* Компетентностный подход в образовании // *Школьные технологии*. 2004. № 5. С. 31-35.

Лебедева 2013 – *Лебедева Н.А.* Механизмы формирования научно–инновационного мировоззрения студенческой молодежи. // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-nauchnoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti-sredi-molodyozhi> (дата обращения: 14.01.2020).

Пономарева, 2015 – *Пономарева Т.В.* Образовательный туризм как инновационный метод образовательного процесса // *Молодой ученый*. 2015. №12. С. 792-795.

Постановление Правительства, 2013 – Постановление Правительства РФ от 22 января 2013 г. N 23 «О Правилах разработки и утверждения профессиональных стандартов». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 23.09.2019).

Приказ Минтруда, 2013 – *Приказ Минтруда России №148н* от 12 апреля 2013 г. «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов». [Электронный ресурс]. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/> (дата обращения 10.11.2019).

Садовников, 2011 – *Садовников И.В.* Фундаментализация современного образования // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2011. № 21. С. 782-786.

References

Ereshko, 2016 – *Ereshko, F.I.* (2016). Nauchnyy turizm – tsel' i sredstvo progressa v razvitiy regionov. [Scientific tourism is the goal and means of progress in the development of regions]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://archiv.council.gov.ru/files/journalsf/item/20061107123724.pdf> (date of access: 15.08.2016). [in Russian]

Karavayeva i dr., 2018 – *Karavayeva, E.V., Vorob'yeva, O.V., Tyshkevich, V.P.* (2018). O razrabotke modeli formirovaniya issledovatel'skikh kompetentsiy vypusknikov programm vysshego obrazovaniya. [On the development of a model for the formation of research competencies of graduates of higher education programs.]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. №4. Pp. 33-47. [in Russian]

Lebedev, 2004 – *Lebedev, O.E.* (2004). Kompetentnostnyy podkhod v obrazovanii [Competency-based approach in education]. *Shkol'nyye tekhnologii*. № 5. Pp. 31-35. [in Russian]

Lebedeva, 2013 – *Lebedeva, N.A.* (2013). Mekhanizmy formirovaniya nauchno–innovatsionnogo mirovozzreniya studencheskoy molodezhi [Mechanisms for the formation of scientific and innovative worldviews of students]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. № 6. [Elektronnyi resurs]. URL <http://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-nauchnoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti-sredi-molodyozhi> (date of access: 14.01.2020). [in Russian]

Ponomareva, 2015 – *Ponomareva, T.V.* (2015). Obrazovatel'nyy turizm kak innovatsionnyy metod obrazovatel'nogo protsessa [Educational tourism as an innovative method of the educational proces]. *Molodoi uchenyi*. №12. Pp. 792-795. [in Russian]

Postanovleniye Pravitel'stva, 2013 – *Postanovleniye Pravitel'stva RF* ot 22 yanvarya 2013 g. N 23 «O Pravilakh razrabotki i utverzhdeniya professional'nykh standartov» [Decree of the Government of the Russian Federation of January 22, 2013 N 23 “On the Rules for the development and approval of professional standards”]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://base.garant.ru/> (date of access: 23.09.2019). [in Russian]

Prikaz Mintruda, 2013 – Prikaz Mintruda Rossii №148n ot 12 aprelya 2013 g. «Ob utverzhdenii urovney kvalifikatsii v tselyakh razrabotki projektov professional'nykh standartov» [Order of the Ministry of Labor of Russia No. 148n dated April 12, 2013 “On the approval of skill levels in order to develop draft professional standards”]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rosmintrud.ru/docs/> (date of access: 10.11.2019). [in Russian]

Sadovnikov, 2011 – *Sadovnikov, I.V.* Fundamentalizatsiya sovremennogo obrazovaniya [The fundamentalization of modern education]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. № 21. Pp. 782-786. [in Russian]

Volodarskaya, 2019 – *Volodarskaya, E.A.* (2019). Dinamika kriteriyev otsenki rezul'tativnosti nauchnykh issledovaniy [Dynamics of criteria for evaluating the effectiveness of scientific research]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. Vol. 10. № 2. Pp. 120-128. [in Russian]

Zasedaniye Soveta, 2018 – Zasedaniye Soveta po nauke i obrazovaniyu ot 28.11.2018. [The meeting of the Council on Science and Education]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=8c2f8c2e-788e-4538-868e65344a0792> (date of access: 01.12.2019). [in Russian]

Zeer, Symanyuk, 2005 – *Zeer, E., Symanyuk, E.* (2005). Kompetentnostnyy podkhod k modernizatsii professional'nogo obrazovaniya [Competency-based approach to the modernization of vocational education]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. № 4. Pp. 22-28. [in Russian]

«Открытая» наука как новая форма взаимодействия с обществом

Елена Александровна Володарская ^{a, *}

^a Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья раскрывает современный подход к выстраиванию системы взаимоотношений между наукой и обществом. Описывается феномен «открытой» науки. Подробно анализируются возможные направления движения в сторону более доступных для неспециалистов научных результатов и их участия в производстве нового знания. Это такие направления, как фундаментализация образовательной среды, развитие исследовательских компетенций учащихся, научно-образовательный туризм, пересмотр критериев оценки научного результата.

«Открытая» науки позволит повысить престиж профессии ученого, выстроить более доверительные отношения между участниками данной системы через продвижение научного знания и усиление научного мировоззрения и интереса граждан, создания условий для реализации прикладного запроса со стороны общества. Выработка новых критериев оценки условий осуществления исследовательской деятельности, практической ценности и экономической целесообразности науки все более востребованы; они предполагают пересмотр традиционных для науки характеристик.

Открытость науки предполагает активное развитие «открытых» научных компетенций, общих как для профессионалов, так и для людей за рамками исследовательских учреждений, что влечет за собой фундаментализацию обучения для развития подобных «открытых» исследовательских знаний, умений и навыков.

Научный туризм объединяет науку и туризм, создает условия для нового типа активного отдыха, когда неспециалисты, заинтересованные в научном знании, под руководством ученых вносят собственную лепту в развитие науки. Это позволяет удовлетворить исследовательский интерес неспециалиста, сформировать и поддержать его научное мировоззрение, усилить позитивное отношение к науке в обществе.

Ключевые слова: «открытая» наука, взаимодействие науки и общества, фундаментализация обучения, исследовательские компетенции, научный туризм, критерии научная результативность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: eavolod@gmail.com (Е.А. Володарская)